

P Velty

Академия Лунного Ключа

P Velty

Академия Лунного Ключа

«Автор»

2026

Velty P.

Академия Лунного Ключа / P. Velty — «Автор», 2026

Двенадцатилетняя Мира Ветрова всю жизнь чихала в лесу и не подозревала, что деревья ей отвечают. Но однажды на грядку с мятой приземляется письмо с крыльями и приглашает её в школу, о которой нет ни слова ни на одной карте. Академия Лунного Ключа парит за краем мира над спящим китом, и её магия держится на его песне. Здесь пироги убегают с тарелок, каменные львы читают газеты, а фонари сплетничают о первокурсниках. Мира вместе с лучшим другом Тимкой и новыми товарищами по школе учится слышать то, что другие не замечают. Но под островом, глубже самого кита, заперто Безмолвие, которое отнимает у мира голоса. Печать на нём слабеет. Таинственный шёпот зовёт Миру по ночам, а на старом портрете в потайной галерее она находит свою мать, пропавшую много лет назад. Кому из учителей можно верить, если самые тихие из них молчат слишком ровно? И хватит ли у Миры смелости пройти до конца, чтобы мама снова заговорила? Волшебная школа, дружба и тайна, которая звучит громче любых заклинаний.

© Velty P., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Письмо, которое не умело молчать	5
Глава 2. Остров, который держится на песне	8
Глава 3. Урок, на котором все молчали	12
Глава 4. Лестница вниз	15
Глава 5. Кабинет, в котором живут часы	19
Глава 6. Чих, от которого дрогнула школа	23
Глава 7. Библиотека, где шепчут призраки	26
Глава 8. Тихий слух	29
Глава 9. Три лада свиста	32
Глава 10. Эхобол	35
Глава 11. Волна тишины	38
Глава 12. Лабиринт шёпотов	41
Глава 13. То, чего Безмолвие не слышит	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Р Velty

Академия Лунного Ключа

Глава 1. Письмо, которое не умело молчать

В деревне Подлесье говорили, что если чихнуть в лесу три раза подряд, непременно случится что-нибудь необыкновенное. Мира Ветрова чихала в лесу уже четыре года, потому что росла у самой опушки, где пыльца в конце лета висела золотым туманом. Ничего необыкновенного не случалось ни разу. Разве что однажды у неё из носа вылетел крохотный сквозняк и свалил со скамейки кота. Но это, как решила Мира, не считалось.

Ей исполнилось двенадцать, и жила она с бабушкой Агафьей в кривом домике, у которого крыша была похожа на съехавшую набок шапку. Бабушка торговала травяными сборами, умела сердито молчать и никогда ни о чём не рассказывала. Когда Мира спрашивала про маму с папой, бабушка принималась вдруг искать очки, хотя очки сидели у неё на носу.

В то утро Мира, как обычно, полола грядки с мятой. Солнце только поднялось над верхушками елей, роса ещё блестела, и пахло так, будто весь мир только что умылся. Вдруг над забором что-то зашуршало, зашелестело, захлопало, и на тыкву, самую толстую на грядке, приземлилось письмо.

Настоящее письмо. Конверт был цвета ночного неба, с мелкими серебряными точками, которые, если приглядеться, медленно двигались. У конверта имелись два маленьких крыла, одно слегка помятое, и он тяжело дышал, как после долгого бега.

— Простите, — пропищал конверт тоненьким голосом. — Мне нужна Мира Ветрова, двенадцати лет, проживающая у леса в доме с шапкой вместо крыши. Это вы?

Мира выронила тяпку. Тяпка упала прямо на её собственную ногу, и Мира ойкнула, но взгляда от конверта не отвела.

— Я, — сказала она шёпотом. — А вы... ты... что такое?

— Я официальное приглашение, — гордо ответил конверт. — Меня отправили три недели назад. Я заблудился в Тридевятином болоте, меня чуть не съела жаба, потом я попал в грозу, потом полдня просидел в гнезде у воробьёв, пока они не поняли, что я несъедобный. Но я долетел! Примите меня, пожалуйста, немедленно, у меня печать подсыхает.

Мира осторожно взяла конверт двумя пальцами. Он был тёплым, как свежая булочка. Печать на нём, сургучная, цвета тёмной сливы, изображала ключ в форме полумесяца, и вокруг неё вилась надпись: «Академия Лунного Ключа. Для тех, кто слышит».

— Что значит «для тех, кто слышит»? — спросила Мира.

— Это вы сами должны понять, — важно сказал конверт. — Я только вскрываюсь по предъявлению владельца. Будьте добры, дуньте на меня.

Мира дунула. Конверт зашелестел, потянулся, как кошка после сна, и развернулся. Внутри лежал лист плотной бумаги, и буквы на нём сами собой выстраивались, словно муравьи по тропинке:

«Уважаемая Мира Ветрова! Ваш голос услышан. Он звучал в лесу четыре года, и мы ждали, когда он станет достаточно громким. Приглашаем Вас в Академию Лунного Ключа, парящий остров на западе за краем карты, для обучения искусству живой магии. Занятия начинаются в ночь первого новолуния осени. Просьба взять с собой тёплый плащ, любопытство и друга, если таковой найдётся. Транспорт будет предоставлен. С надеждой, директор Академии Ориэн Тихомолк».

Мира перечитала письмо трижды. Потом присела на корточки между мятой и тыквой, потому что колени перестали быть надёжными.

— Это ошибка, — сказала она вслух. — Я не волшебница. Я чихаю на сквозняки. У меня даже заклинания нет никакого.

— А кто в лесу чихал? — обиделся конверт. — Четыре года, каждую осень, ровно три раза подряд, да ещё и со смыслом? Деревья, между прочим, отвечали. Просто вы не слушали.

— Деревья... отвечали?

— Конечно. Старая ель слева от тропинки уже два года пытается вам сказать, что у неё болит корень. А вы каждый раз проходите мимо и кричите: «Будь здорова!»

Мира открыла рот, закрыла его и побежала в дом.

Бабушка Агафья сидела у окна и перебирала сушёную ромашку. Увидев внучку с ночным конвертом в руках, она не вздрогнула, не охнула и не уронила ничего. Она только медленно сняла очки, протёрла их краем передника и надела обратно. Это значило, что она ждала именно этого.

— Пришло, — сказала бабушка. — Раньше, чем я думала.

— Ты знала? — Мира почувствовала, как внутри что-то вскипает. — Ты всё знала, и молчала?

— Я знала, что рано или поздно оно придёт, — тихо ответила бабушка. — А когда, не знала. И рассказывать не хотела, потому что рассказ тоже бывает заклинанием. Расскажешь слишком рано, и судьба свернёт не туда.

Она подошла к старому сундуку у стены, откинула крышку и достала из-под вязаных носков и мотков шерсти маленький свёрток. В нём лежал плащ. Тёмно-синий, с капюшоном, подшитый изнутри лоскутками разных тканей: в одном угадывался кусочек старого платья, в другом обрывок скатерти, в третьем что-то блестящее, как рыба чешуя.

— Его шила твоя мама, — сказала бабушка и отвернулась к окну. — Когда ей было столько же, сколько тебе. Она училась там. Потом... Потом она сделала выбор, а выбор бывает дорогим. Остальное тебе расскажут те, кто знает больше моего. Или ты узнаешь сама.

Мира прижала плащ к груди. Он пах дождём, лавандой и чем-то далёким, чего она никогда не нюхала, но сразу узнала. Так пахнет дом, в котором тебя ждали.

— Я не хочу уезжать, — сказала она, и голос у неё дрогнул. — Как ты тут одна?

— Одна? — Бабушка Агафья усмехнулась, и в уголках глаз её собрались морщинки, похожие на лучики. — У меня сорок три сорта травы, соседский кот, который считает мой дом своим, и огород, который без меня зарастёт, но, может, оно и к лучшему. Нет, Мирушка. Я справлюсь. А вот тебе пора. Новолуние через четыре дня.

— Но там сказано: «взять с собой друга».

— Друга, — повторила бабушка и посмотрела в окно, за которым, прижавшись носом к стеклу, торчала веснушчатая физиономия. — Ну, кандидат, кажется, уже на месте.

Физиономия принадлежала Тимофею, сыну мельника, мальчишке тринадцати лет, который в этом году вытянулся на голову и теперь не помещался ни в одну из своих рубашек. Тимка был лучшим другом Миры с тех самых пор, как они в пять лет вместе утопили в ручье бабушкин половник, пытаясь построить мост. Он умел свистеть на три лада, лазить по любым деревьям и ничего не бояться, кроме пауков и вопросов о будущем.

— Я всё слышал! — заорал Тимка, распахнув окно так, что бабушкины ромашки взлетели облаком. — Ну, не всё, только то, что про друга! Я согласен! Куда едем?

— За край карты, — сказала Мира.

Тимка секунду подумал.

— А там пауки есть?

— Не знаю.

— Ладно, — вздохнул он, вылезая в окно целиком, — всё равно еду.

Конверт хихикнул, сложился в бумажного журавлика и сел Мира на плечо.

— Меня зовут Письмо Номер Семь, — представился он. — Можно просто Семь. Я буду вашим проводником до Лунного причала, потому что транспорт, конечно, предоставлен, но найти его без меня невозможно.

— Почему? — спросил Тимка.

— Потому что он невидимый, — гордо ответил Семь. — И немного капризный.

Бабушка Агафья вздохнула, подошла к печи и сняла с полки два узелка. В одном оказались пироги с капустой, в другом пучки трав и маленький мешочек с солью.

— Соль в дороге пригодится, — сказала она строго. — От злых слов, от дурного глаза и от скучных людей. А пироги просто съешьте.

В ночь новолуния небо над Подлесьем стало таким тёмным, что звёзды казались не точками, а дырочками в чёрном сукне, за которыми горел яркий свет. Мира и Тимка стояли на опушке. Бабушка Агафья держала Миру за обе руки и молчала. Потом она поцеловала внучку в макушку и прошептала на ухо слова, которые Мира запомнила на всю жизнь:

— Слушай не только то, что говорят. Слушай то, что не договаривают. И ещё: когда страшно, чихни. Тебе помогает.

— Бабушка, это же глупо.

— Не глупее, чем всё остальное.

Тут Семь взвился над их головами, зашелестел крыльями, и в воздухе перед ними начало проступать нечто огромное, медленное, прозрачное. Сначала показались длинные усы, потом множество шагающих ног, потом круглые янтарные глаза с вертикальными зрачками, а потом вся целиком, лёгкая и гулкая, как колокол во сне, из темноты вышла гигантская Лунная Гусеница, на спине у которой было устроено что-то вроде гондолы с мягкими подушками и фонарём.

— Вот и транспорт, — торжественно объявил Семь. — Прошу садиться. Только не кричите, она щекотки боится.

Тимка побелел до самых веснушек.

— Это не паук, — быстро сказала Мира, толкая его вперёд. — Паук был бы хуже.

— Паук был бы хуже, — как заведённый повторил Тимка, забираясь в гондолу.

Мира оглянулась в последний раз. Бабушка махала рукой, маленькая, прямая, в тёмном платке, а рядом с ней сидел соседский кот и смотрел так, словно знал всё на свете. Старая ель слева от тропинки скрипнула ветвями, и Мира вдруг отчётливо расслышала в этом скрипе слова:

«Спасибо, что услышала. Корень болит у меня слева».

— Обязательно вылечу! — крикнула Мира в ответ, и от неожиданности едва не вывалилась за борт.

Лунная Гусеница мягко качнулась, оттолкнулась сотней ног от земли, и Подлесье начало уменьшаться, превращаясь в горсть огоньков, потом в одну тёплую точку, потом в воспоминание.

Впереди, за краем карты, их ждала Академия Лунного Ключа. И то, что было спрятано в её стенах гораздо глубже, чем они могли себе представить.

Глава 2. Остров, который держится на песне

Лунная Гусеница шла по воздуху так плавно, что Мира сначала даже не поняла, что они летят. Под гондолой не было ни земли, ни облаков, только вязкая синяя темнота, в которой изредка вспыхивали огоньки. Тимка сидел, вцепившись в борт обеими руками, и старательно смотрел только на фонарь.

— Не смотри вниз, — советовал Семь, устроившись на краю корзины. — Все первокурсники смотрят вниз, и все потом жалуются, что у них закружилась голова. Смотри вперёд. Вперёд красиво.

Мира смотрела вперёд. Сперва там не было ничего, кроме звёзд. Потом край неба начал светлеть, но не так, как светлеет перед рассветом, а как будто кто-то зажёл за горизонтом огромную лампу под молочным стеклом. Свет разливался, густел, и в нём показалось что-то тёмное, большое, неровное.

— Это край карты? — прошептала она.

— Это то, что на картах не рисуют, потому что картографы не любят признаваться, что их карты неполные, — ответил Семь. — Смотрите внимательно. Сейчас будет самое интересное.

Гусеница вдруг запела. Это было низкое, мягкое гудение, похожее на звук, который издаёт большой колокол, если провести по нему пальцем. И где-то далеко, из-за светящейся завесы, ей ответил другой звук, ещё глубже, ещё протяжнее. Звуки встретились, переплелись, и завеса раздвинулась, как театральный занавес.

Перед ними плыл остров.

Он был похож на гигантский перевернутый колокольчик, из которого наверху вырос лес. По склонам спускались террасы с садами, на каждой горели окна маленьких домиков. А на самой вершине, среди башен с острыми крышами, стоял замок из серебристого камня. Одна башня, самая высокая, была закручена в спираль, и на её шпилье медленно вращался огромный ключ в форме полумесяца.

Но самое удивительное было под островом. Там, в тёмной глубине, что-то двигалось. Мира сначала приняла это за облако. Потом облако моргнуло.

— Тимка, — сказала она очень тихо. — Там кит.

— Я не смотрю вниз, — отозвался Тимка. — Я никуда не смотрю.

— Там правда кит. Огромный. Остров стоит у него на спине.

— Не на спине, — поправил Семь. — Над спиной. Остров парит благодаря песне, а кит эту песню поёт. Его зовут Эхо, и он старше Академии, старше нашего леса и, говорят, даже старше самих звёзд. Он спит уже много столетий. Но пока он спит и поёт во сне, остров держится в небе. Вся магия школы стоит на этой песне.

— А если он проснётся? — спросила Мира.

Семь на секунду замолчал и сложил крылья.

— Лучше, чтобы он не просыпался, — наконец сказал он. — По крайней мере, не так, как проснулся бы сейчас.

Гусеница плавно опустилась на длинный причал из белого дерева. На причале горели фонари, в которых плясали не огоньки, а крошечные светлячки с человеческими лицами. Они зашептались, когда гондола коснулась досок:

— Новенькие. — Двое. — Девочка слышит, смотрите, как она вертит головой. — Мальчик боится. — Мальчик очень боится, но прячет.

— Я не прячу! — возмутился Тимка и тут же понял, что разговаривает с фонарём. — То есть... я не боюсь. Просто тут высоко.

Светлячки захихикали, как стая воробьёв.

На причале их ждали. Высокая женщина в тёмно-зелёной мантии с вышитыми по подолу листьями держала в руках список, который сам переворачивал страницы. У неё были серебристые волосы, собранные в тугий пучок, и очень внимательные серые глаза, в которых, казалось, можно было прочесть всё, что ты когда-либо недоговаривал.

— Мира Ветрова и Тимофей Мельников, — сказала она, и список в её руках одобритительно хлопнул страницей. — Добро пожаловать в Академию Лунного Ключа. Я мадам Полынь, преподаватель живой ботаники и по совместительству куратор новичков. Прошу вас следовать за мной. Багаж оставьте, о нём позаботятся.

— У нас нет багажа, только узелки, — сказал Тимка.

— Значит, о них позаботятся ещё лучше.

Они шли по длинной лестнице, выходящей вдоль склона. Мира всё время оглядывалась. На террасах росли деревья с серебряными листьями, цветы, которые переговаривались шёпотом, кусты, плетущие сами себя в причудливые узоры. На одной из скамеек сидел каменный лев и читал газету, перелистывая страницы лапой. Он поднял голову и лениво кивнул мадам Полынь.

— Вечер добрый, Георгий Львович, — ответила она.

— Георгий Львович? — шепнул Тимка Мире. — Каменный лев с отчеством?

— А что такого? — шепнула в ответ Мира. — Мы же не в Подлесье.

Наверху, у главных ворот, их ждал самый странный страж, какого Мира только могла представить. Это была арка из живого плюща, в которой дремал огромный филин с очками на клюве. Когда они подошли, филин приоткрыл один глаз.

— Пароль? — спросил он скрипучим голосом.

— Они новенькие, Прокофий, у них нет пароля, — терпеливо сказала мадам Полынь.

— Тогда загадка, — решил филин. — Что можно услышать, но нельзя потрогать, нельзя съесть и нельзя выбросить?

Мира задумалась. Тимка открыл рот, потом закрыл. Он так сильно хмурился, что веснушки на его носу собрались в одну большую кляксу.

— Звук? — неуверенно сказал он.

— Почти, — ответил филин. — А ты что скажешь, девочка?

Мира вспомнила ель, письмо, бабушкины слова про недоговорённое.

— Правду, — сказала она. — Её слышно, даже когда молчат. Её нельзя потрогать. Съесть тоже нельзя, хотя некоторые пытаются. А выбросить не получится, она всё равно вернётся.

Филин долго молчал. Потом снял очки, протёр их крылом и надел обратно.

— Надо же, — сказал он совсем другим голосом. — Один раз за двадцать лет. Проходите.

Плющ раздвинулся. Мадам Полынь посмотрела на Миру чуть дольше, чем следовало, и промолчала.

Внутри замок оказался ещё удивительнее, чем снаружи. В главном зале под потолком, расписанным созвездиями, плавали светящиеся медузы, а длинные столы ломились от еды, которая то и дело пыталась убежать: пироги скакали по блюдам, как лягушки, пудинг свернулся в клубок, и только жареная картошка вела себя прилично. За столами сидели сотни детей разного возраста, и все повернулись, когда вошли новенькие.

Мира почувствовала, как у неё горят уши. Она вцепилась в плащ и попыталась стать как можно менее заметной. Плащ, конечно, на это не рассчитывал: он вдруг начал слабо светиться изнутри мягким лунным светом, и в зале кто-то ахнул.

— Это же... — начала какая-то девочка за ближним столом.

— Тише, — одёрнули её.

В конце зала, за столом на возвышении, поднялся пожилой человек. У него была длинная седая борода, заплетённая в косичку и завязанная голубой лентой, и очки-половинки, из-за

которых он смотрел на всех чуть насмешливо. Мантия на нём была вся в заплатках, и каждая заплатка была из другой ткани, а на плече сидела маленькая сова и дремала.

— Дорогие мои, — сказал он негромко, но слышно было в каждом уголке зала. — Сегодня к нам прибыли двое. Давайте встретим их так, как мы встречаем всех, кто пересёк край карты: с удивлением и без лишних вопросов. Меня зовут Ориэн Тихомолк, и я имею честь быть директором этого странного, шумного и очень любимого мной места.

Зал зааплодировал. Хлопали громко, свистели. Кто-то уронил ложку, и ложка, оскорблённо подпрыгнув, убежала под стол.

— Мира, — продолжил директор, глядя прямо на неё, — подойди, пожалуйста. И ты, Тимофей. Вас распределит Ключ.

— Какой ещё ключ? — тихо спросил Тимка.

— Тот, что на башне, — подсказал Семь, который всё это время сидел у Миры на плече и, кажется, сам волновался не меньше. — Он выбирает, в какой дом тебя определить. Ты просто стой и слушай.

На возвышении стояла круглая каменная чаша, наполненная лунным светом. Когда Мира подошла к ней, свет заколебался, поднялся к её лицу, и она услышала голос. Не чужой, не страшный, а такой, словно кто-то говорил внутри её собственной головы, только чуть ниже и спокойнее.

«Ветрова, — сказал голос. — Здравствуй. Давно жду. У тебя в ушах поёт ветер. А в сердце спрятана тишина. Опасная вещь. Дом Внимающих?»

— Внимающих? — шёпотом переспросила Мира.

«Те, кто слышат. Есть ещё Дом Звонких, те, кто говорят. Дом Строящих, те, кто делают. И Дом Хранящих, те, кто помнят. Тебе, конечно, подходит Внимающих. Но, знаешь, ты ведь...»

Голос вдруг оборвался. Лунный свет в чаше дрогнул, словно кто-то задул половину пламени. Директор Тихомолк нахмурился. Мира увидела, как мадам Полынь быстро шагнула вперёд.

«...не слушай их всех сразу, — торопливо договорил голос. — Слушай только тех, кто молчит».

И пропал.

— Дом Внимающих, — торжественно объявил директор, но Мира заметила, что он слегка побледнел. — Тимофей, теперь ты.

Тимка подошёл к чаше, как к злой собаке. Свет вздрогнул, помедлил и мягко сказал так, что слышали все:

«Строящий. Из тех, кто строит мосты. Хотя мосты твои до сих пор утопают в ручьях».

Зал грохнул хохотом. Тимка покраснел до корней волос, но Мира увидела, что он улыбается.

Их усадили за стол: Миру к Внимающим, в левой части зала, где над столом светились голубые огоньки, а Тимку к Строящим, чуть дальше, где на скатерти сами собой появлялись и исчезали чертежи. Мира села рядом с девочкой, у которой были тёмные кудрявые волосы, собранные в пышный пучок, и пронзительно-зелёные глаза.

— Меня зовут Ясна, — сказала девочка, не дожидаясь вопросов. — Я с юга. Мой дедушка был здешним профессором, а теперь он на пенсии, но всё ещё присылает мне письма с советами. Самый главный: не ешь пирожки, которые прыгают. Они тебя обязательно проглотят обратно.

— Спасибо, — растерянно сказала Мира. — Я Мира.

— Знаю. Все знают. — Ясна понизила голос. — Ты вошла, и плащ засветился. Это не просто плащ. Я видела такой на одном портрете в библиотеке. Там нарисована девочка с косой, в точности такой же плащ.

— Какая девочка? — спросила Мира, и сердце у неё ёкнуло.

— Не знаю. Подписи нет. Только дата, а потом кто-то вырезал половину рамы.

Мира опустила глаза в тарелку. Картошка сама подкатилась к ней, дружелюбно дымясь.

Если бы Мира в этот момент оглянулась, она бы заметила, что за дальним краем стола, в тени колонны, стоит высокий человек в сером плаще с глубоким капюшоном. Он не ел и не разговаривал. Он смотрел на неё. И когда она подняла голову, он тихо отступил за колонну, и воздух там, где он стоял, на мгновение стал совершенно беззвучным, как будто кто-то вырезал кусок из шума зала.

Но Мира не оглянулась. Она ела картошку, слушала, как смеётся Ясна, как перешёптываются огоньки, и впервые за много лет чувствовала себя почти дома.

Глава 3. Урок, на котором все молчали

Комната Миры оказалась круглой, с одним огромным окном, из которого был виден спящий кит. Точнее, был виден его бок: тёмный, блестящий, медленно поднимающийся и опускающийся, как гора, которая дышит. Над окном висели крошечные колокольчики, и каждый раз, когда кит выдыхал, они тихонько звенели.

В комнате стояли четыре кровати. На двух уже лежали вещи: на одной гора книг и перевязанные ленточкой тетради, на другой одинокий плюшевый заяц с оторванным ухом. Ясна обосновалась у окна. Четвёртая кровать оставалась пустой, но на подушке сидела серая кошка с жёлтыми глазами и смотрела на Миру так, будто это Мира заняла её место.

— Это Сумерка, — сказала Ясна. — Она ничья. Приходит, когда хочет, уходит, когда хочет, но если спит в твоей комнате, значит, ты ей подходишь. Мне повезло, она у нас с первого дня.

— А третья девочка? — спросила Мира, глядя на зайца.

— Тоня. Она из Хранящих, но живёт с нами, потому что её дом переполнен. Увидишь, она ужасно умная и ужасно застенчивая. Заяц у неё такой, что лучше не трогать.

Мира осторожно положила плащ на спинку кровати. Он всё ещё слабо мерцал. Она долго ворочалась, слушала, как вздыхает кит, как звенят колокольчики, как где-то далеко кто-то играет на флейте, и наконец заснула, так и не придумав, что она чувствует: радость или страх. Скорее всего, и то и другое, как это обычно и бывает.

Утром её разбудил звон. Не будильник, не колокол, а скорее огромная стеклянная музыка, которая шла прямо из стен. Ясна уже сидела на кровати с растрёпанной причёской и вычёсывала из волос запутавшийся лунный луч.

— Это побудка, — зевнула она. — Каждое утро новая мелодия. Вчера была про лесных птиц, сегодня, кажется, про дождь. Вставай, у нас первый урок «Основы слушания», а профессор Немой не любит опозданий. Вообще-то он ничего не любит вслух, потому что вообще не говорит.

— Совсем не говорит?

— Совсем. Пишет в воздухе. Сама увидишь.

Завтрак прошёл в суматохе. Мира успела найти Тимку: он сидел в окружении трёх огромных мальчишек и с серьёзным видом рисовал на салфетке схему какого-то моста. Рядом с ним сидел самый большой из мальчишек, плечи у него были как дверной проём, кожа серовато-зелёная, как мох на старых камнях, а глаза маленькие, добродушные и очень внимательные.

— Это Бруно, — представил его Тимка с гордостью, будто сам его изобрёл. — Он тролль. Правда тролль! Он умеет обнимать так, что рёбра хрустят, но он никого не обнимает без разрешения. А ещё он готовит. Вчера он научил меня печь пирог, который не убегает.

— Не убегает, если с ним разговаривать, — застенчиво уточнил Бруно басом. — Пирогги любят, когда с ними делятся мыслями.

— Мира, я забыл, у тебя что первым? — спросил Тимка с набитым ртом.

— Слушание.

— У нас тоже сначала общий урок, — вмешалась Ясна. — «Основы слушания» ведётся для всех домов, потому что слушать нужно уметь всем. Иначе заклинания получаются кривые.

Аудитория для слушания находилась в самой нижней башне замка, куда вела длинная винтовая лестница. Чем глубже они спускались, тем тише становилось вокруг. Сначала затих смех, потом шаги, потом шорох плащей. Когда они вошли в круглый зал без окон, тишина стала почти осязаемой, как вата в ушах.

В центре зала стоял высокий человек в сером. Мира вздрогнула: тот же рост, тот же плащ, та же неподвижность, что она заметила вчера у колонны. Но человек откинул капюшон, и оказалось, что у него усталое, спокойное лицо с глубокими морщинами и очень светлыми, почти прозрачными глазами. Волосы были густые, пепельные, коротко остриженные. Он поднял руку, и в воздухе загорелись золотые буквы:

«Меня зовут Сайлас Немой. Добро пожаловать. Сегодня вы научитесь первому: слышать то, чего нет».

Ученики расселись по каменным ступеням. Мира оказалась в первом ряду, чуть левее профессора, рядом с Ясной и худенькой девочкой, у которой из-под шапки торчали две косички и в руках был тот самый плюшевый заяц с оторванным ухом.

— Тоня, — прошептала девочка, не поднимая глаз. — Хранящих. Извини, что не поздоровалась вчера. Я стесняюсь.

— Ничего, — шепнула Мира. — Я тоже.

Профессор Немой взмахнул рукой, и слова на воздухе сменились:

«Закройте глаза. Расслабьте уши. Скажите себе: здесь ничего нет. А потом слушайте, что ответит это ничего».

Мира закрыла глаза. Сначала было просто тихо. Потом в тишине стали проявляться звуки, будто фотография в растворе: далёкое гудение кита, стук её собственного сердца, шорох дыхания соседей. Потом она услышала что-то ещё. Тонкую-тонкую ноту, почти неуловимую, исходящую откуда-то снизу, из-под пола. Как будто кто-то очень далеко, очень глубоко пел одну-единственную ноту и не мог остановиться.

Ноты складывались в слова. Не в слова даже, а в смысл, как у ели в лесу.

«Мира... Мира... Мира...»

Она резко открыла глаза и огляделась. Все сидели, закрыв глаза. Профессор Немой смотрел на неё. Не строго, но очень внимательно, так, словно он тоже что-то услышал.

Он снова поднял руку:

«Кто-нибудь услышал что-то особенное?»

Несколько ребят подняли руки. Один мальчик слышал, как у соседки урчит живот. Девочка слышала, как падает снег, хотя снега здесь не было. Тоня тихо призналась, что слышала, как её заяц шепчет колыбельную.

— А ты? — прошептала Ясна Мире. — Ты же что-то услышала, у тебя лицо стало как у сыра, которого напугали.

— Ничего, — сказала Мира. — Показалось.

И сама удивилась, что соврала.

Профессор Немой написал в воздухе: «Благодарю. Домашнее задание: прислушайтесь ночью к дому, в котором вы живёте. Запишите три звука, которые вы раньше не замечали. Можно идти».

Ученики потянулись к выходу. Мира уже собиралась идти вместе со всеми, когда на плечо ей легла лёгкая рука. Профессор Немой стоял рядом. Он ничего не писал в воздухе, просто смотрел ей в глаза. Потом очень медленно, словно давно не пользовался этим умением, он беззвучно произнёс губами одно слово. Мира прочитала по губам:

«Осторожно».

— Простите, что? — спросила она.

Но профессор уже отвернулся и стал собирать с каменного пола золотые буквы, как собирают рассыпанные бусины.

В коридоре её нагнала Ясна и сунула в руку тёплую булочку с корицей.

— Ты побледнела, — сказала она. — Что он тебе сказал?

— Ничего. Он же не говорит.

— Я видела, как он шевелил губами.

— Мне показалось, — повторила Мира. И в этот раз почувствовала, что обман звучит как фальшивая нота в песне.

Остаток дня прошёл в чудесах, которые Мира едва успевала запоминать. На уроке живой ботаники мадам Польнь научила их разговаривать с папоротниками: те оказались ужасными сплетниками и выдавали все секреты, что шептали им на ухо предыдущие классы. На «Истории магических путей» их учил огромный каменный лев Георгий Львович, который рассказывал про древние караваны так увлечённо, что то и дело забывал, где остановился, и начинал сначала. Обед Бруно приготовил сам, и пироги в тот день не убежали, а только слегка подрагивали от удовольствия, когда их резали.

Вечером, когда Мира вернулась в комнату, Ясна и Тоня уже спали. Сумерка свернулась клубком у неё на подушке, и пришлось переложить кошку на край, чтобы лечь. Кит за окном дышал медленно и ровно. Колокольчики звенели в такт.

Мира лежала с открытыми глазами и вспоминала слова профессора: «Прислушайтесь ночью к дому». Она закрыла глаза и стала слушать. Первый звук: дыхание кита, гулкое и тёплое. Второй: скрип половиц, не от шагов, а от самого дома, что поворачивался во сне. Третий звук был самым странным. Едва слышный, словно далёкий-далёкий шёпот, шедший из-под пола, из самой глубины острова. Тот же голос.

«Мира... Мира... Мира...»

Она села на кровати, и в этот момент серая кошка Сумерка подняла голову, посмотрела на неё жёлтыми глазами и спрыгнула на пол. Остановилась у двери и оглянулась, как делают кошки, когда зовут тебя за собой.

— Мне туда нельзя, — прошептала Мира. — Уже ночь.

Сумерка нетерпеливо дёрнула хвостом.

— Ладно, — выдохнула Мира, хватая плащ. — Только на минутку. Только посмотреть.

Она тихо выскользнула в коридор. Свет в нём был приглушённый, тёплый, и только лунные светлячки в фонарях сонно перешёптывались, пока она проходила мимо.

— Куда она? — Тише, пусть идёт. — Её мама тоже ходила по ночам.

Мира замерла на секунду. Но Сумерка уже мелькнула впереди серой тенью, и пришлось бежать следом, вниз по лестнице, мимо спящих портретов, мимо дремлющих доспехов, мимо двери, на которой было написано мелом: «Не открывать. Не стучать. Не спрашивать почему».

Кошка привела её в тот самый зал без окон, где днём шёл урок слушания. Он был пуст и тёмн. Только в самой середине пола светился слабым серебристым светом круг, который днём Мира не заметила.

Она шагнула в него, и круг дрогнул, как вода. Шёпот стал громче, и теперь она ясно различила слова:

«Найди меня. Не верь тем, кто молчит слишком ровно. Найди меня, пока не стало слишком тихо».

— Кто ты? — спросила Мира. — Где ты?

«Внизу. Всегда внизу».

И серебристый круг погас. Зал погрузился в темноту. Но прежде чем свет исчез, Мира успела заметить на дальней стене тонкую щель, которой раньше не было, и в ней узкую лестницу, уходившую вниз, в глубину.

Сумерка тихо мяукнула и села у входа на лестницу.

Мира сделала шаг вперёд. И в этот момент позади раздался шаг.

Глава 4. Лестница вниз

— Мира! — раздался громкий шёпот. — Ты что, с ума сошла? Ночью, одна, в подземелье!

Мира обернулась так резко, что едва не упала. В дверях зала стоял Тимка в одной рубашке, босой, с огромным пирогом в руках. Рядом, закутанная в одеяло с головой, переминалась с ноги на ногу Ясна.

— Вы как здесь оказались? — выдохнула Мира.

— Я шёл в кухню за добавкой, — гордо сообщил Тимка. — А тут ты бежишь по коридору с лицом, как у человека, которого зовёт луна. Я Ясну разбудил, потому что одному идти страшно.

— Он меня просто потряс за плечо, — зевнула Ясна. — И сказал: «Мира куда-то пошла, а я не хочу, чтобы она потерялась». Это было очень трогательно. Хотя с пирогом в руке получилось слегка комично.

— Пирог не бросишь, он тёплый.

— Тихо, — сказала Мира. — Вы слышите?

Они прислушались. Из щели в стене доносилось едва заметное гудение, похожее на звук натянутой струны.

— Это оно, — прошептала Мира. — Тот голос. Он зовёт меня с первого вечера. Сказал: «Найди меня, пока не стало слишком тихо».

Тимка перестал жевать. Ясна вынула из-под одеяла руку с зажатым в ней светящимся камешком и подняла его повыше. Камешек вспыхнул, осветив узкую каменную лестницу, уходящую вниз винтом.

— Ну что, — сказала Ясна, — идём?

— Нам нельзя, — неуверенно возразил Тимка. — Там на двери мелом написано: «Не спрашивать почему».

— Вот именно. Если писать «не спрашивать почему», значит, ответ интересный.

— Вы не обязаны идти, — сказала Мира. — Я могу одна.

Тимка вздохнул, переложил пирог в левую руку, а правой взял Миру за локоть.

— Вместе, — сказал он. — Раз уж я друг. Меня же именно для этого и звали.

Они пошли вниз. Ступени были гладкие, стёртые тысячами шагов, но Мира чувствовала, что последние лет двадцать по ним почти никто не ходил: пыль лежала мягким ковром, и их следы оставались чёткими, как на свежем снегу. Сумерка бесшумно скользила впереди, и её жёлтые глаза иногда вспыхивали в темноте, как два фонарика.

Чем ниже они спускались, тем теплее становилось. Стены начали вибрировать, и Мира поняла, что гудение не просто слышно, оно проходит сквозь камень, сквозь подошвы, сквозь кости. Тимка приложил ладонь к стене и охнул:

— Он живой. Весь остров живой.

— Это кит, — тихо сказала Ясна. — Мы спускаемся к нему. К его сердцу.

— Нет, — Мира покачала головой. — Голос не его. Тот голос... он человеческий. Только он очень уставший.

Лестница закончилась неожиданно. Они оказались в небольшом круглом помещении, стены которого были увешаны картинами. Это была галерея, но совсем не такая, как наверху. Здесь не было портретов директоров и знаменитых магов. Здесь висели портреты детей. Десятки, может быть, сотни маленьких картин в простых рамах, и на каждой ученик в мантии Академии, улыбающийся или серьёзный, а под рамой маленькая медная табличка с именем и годом.

— Это выпускники? — спросил Тимка.

— Нет, — глухо ответила Ясна, подходя к одной из картин. — Читай год. Это те, кто пропал.

Мира почувствовала, как у неё холодеют руки. Она шла вдоль стены и читала таблички: «Игнат Ржевский, 1883», «Лидия Златоуст, 1891», «Борис Шумов, 1904», «Катерина Белозёрова, 1927». Лица смотрели на неё живыми глазами, и казалось, что они вот-вот заговорят.

— Тут их так много, — прошептала Мира. — Почему нигде об этом не рассказывают?

— Потому что школа не хочет, чтобы об этом знали, — раздался голос из темноты.

Все трое подпрыгнули. Тимка уронил пирог, и тот шлёпнулся на пол с жалобным звуком.

Из-за ближайшей колонны вышло существо ростом с табуретку. Оно было круглое, лохматое, в жилетке, увешанной пуговицами всех размеров, и с огромными очками на носу-картошке. Борода у существа доходила до пола и была аккуратно заплетена в три косицы.

— Пуговка, — представился он с достоинством. — Хранитель нижних этажей, главный по ключам, замкам и забытым вещам. Вы, дети, находитесь там, где вам находиться не следует. За это полагается строгое наказание.

— Простите, — пролепетал Тимка. — Мы не знали.

— Знали, — сказал Пуговка и вздохнул. — Мелом на двери написано, а вы всё равно пришли. Все пришли. Ваши мамы и папы, говорят, пришли тоже. Особенно одна. Волосы у неё были как пшеница, а глаза как июньское небо, и такая упрямая, что даже каменный лев с ней не спорил.

Мира почувствовала, как у неё закололо в груди.

— Вы про Ладу Ветрову? — спросила она тихо.

Пуговка поднял очки на лоб и пристально посмотрел на неё. Его маленькие глазки заблестели.

— Ты на неё похожа, — сказал он. — Только нос не её. Нос у тебя бабушкин. Значит, ты внучка Агафьи?

— Вы знали мою бабушку?

— Знал. Она тоже здесь училась. Давным-давно. Слишком давно, чтобы я хотел считать. — Пуговка шмыгнул носом. — Тебе нужно увидеть то, что ты искала. Иди за мной. Только тихо.

Он заковылял в глубь галереи, прихватив с пола уроненный Тимкой пирог и деловито сунув его в один из карманов жилетки. Мира пошла за ним. Ясна и Тимка поспешили следом.

В самом конце галереи висела картина, перед которой Пуговка остановился. Она была больше остальных. На ней улыбалась девочка лет двенадцати с длинной светлой косой, в тёмно-синем плаще с капюшоном. У неё были синие глаза и очень знакомый поворот головы. Мира смотрела на неё и чувствовала, что узнаёт каждую чёрточку, как узнают собственное отражение в старой ложке.

Но половина картины была вырезана. Остался только левый край, и сразу за косой, за плечом, начиналась пустота: кто-то аккуратно срезал холст острым ножом.

— Это Ясна видела в библиотеке? — спросил Тимка.

— Нет, там копия, — ответил Пуговка. — Настоящая здесь. И то, что вырезано, вырезано не просто так. Там было нарисовано то, чего школа боится.

— Что именно?

Пуговка помолчал.

— Знаете, что такое Безмолвие? — наконец спросил он.

Ребята переглянулись.

— Тишина? — неуверенно сказал Тимка.

— Нет. Тишина добрая, в ней можно думать и отдыхать. Безмолвие — это когда звуки исчезают насовсем. Когда у кита перестаёт петь песня, когда у птиц замолкают голоса, когда у людей отнимается способность говорить правду. Говорят, оно очень старое, как сама ночь. Оно

живёт в самом низу, под китом, в том месте, где заканчивается всякий звук. Много веков назад его запечатали при помощи Лунного Ключа. Но печать слабеет. Каждые двадцать пять лет она истончается, и тогда ей нужна помощь: кто-то должен отдать ей свой голос, чтобы укрепить замок.

— Отдать голос? — ахнула Ясна. — Как это?

— Так, что человек становится частью замка. Голос его уходит в печать, а сам он... — Пуговка запнулся. — В портрет попадает. Нарисованный, но не живой. Или вообще пропадает.

Мира смотрела на портрет, на светлую косу, на улыбку. Потом она посмотрела на табличку под рамой. Медь потускнела, но надпись читалась:

«Лада Ветрова. 1997».

Тимка охнул, Ясна прикрыла рот ладонью. А Мира стояла неподвижно, как деревце на ветру.

— Она не умерла? — спросила Мира тихо.

— Не знаю, — честно ответил Пуговка. — Её не нашли. Вернее, нашли только плащ и вот эту картину. Тот плащ, что ты носишь. Школа сказала, что она уехала. Но голос, который ты слышишь, не мог идти от кого-то уехавшего.

— Это она, — сказала Мира. Голос у неё дрожал, но слова звучали твёрдо. — Это она зовёт меня.

— Может быть, — осторожно согласился Пуговка. — Но, девочка, послушай старого хранителя. Не всякий голос под землёй принадлежит тому, кого ты хочешь услышать. Безмолвие умеет подражать. Оно умеет говорить голосами тех, кого мы любим.

В этот момент Сумерка зашипела, выгнула спину и уставилась в тёмный угол галереи. Все повернулись туда. В темноте, где только что не было ничего, медленно проступал силуэт в сером плаще.

— Дети, — произнёс Сайлас Немой. Его голос был хриплым и непривычным, как дверь, которую не открывали много лет. — Вам не следует здесь находиться.

— Вы же не разговариваете! — не удержался Тимка.

— Разговариваю, — сказал профессор. — Когда должен. — Он подошёл ближе, и они заметили, что в руке у него фонарь, а на лице написана такая усталость, будто он не спал лет сто. — Пуговка, вы зачем их привели?

— Девочка имеет право знать, — упрямо ответил хранитель.

— Пока нет. — Профессор посмотрел на Миру. — Не сейчас. Не так. Вы все сейчас вернётесь в свои комнаты, и мы сделаем вид, что этой ночи не было. А завтра утром я зайду к директору и расскажу, что нужно рассказать.

— А если мы не хотим делать вид? — подняла подбородок Мира.

Профессор Немой долго смотрел на неё. В его светлых глазах что-то дрогнуло.

— Тогда вам нужно хорошенько подумать, — тихо сказал он. — Потому что если вы продолжите, Безмолвие услышит вас так же ясно, как вы слышали его. А оно не любит тех, кто его слышит.

Сумерка перестала шипеть и потёрлась о ногу Миры. Ясна взяла Миру за одну руку, Тимка за другую.

— Пойдём, — шепнула Ясна. — Завтра поговорим. Всё равно сегодня больше ничего не узнаем.

Они поднимались по лестнице молча. Мира оглянулась на последней ступеньке. Профессор Немой стоял перед портретом Лады и смотрел на него с таким выражением, какое бывает у людей, которые потеряли что-то очень важное и до сих пор надеются найти.

А из глубины острова, из-под кита, из-под всякого звука, слышалось слабое, но отчётливое:

«Скоро».

Глава 5. Кабинет, в котором живут часы

Утро началось с неприятностей. Сначала Мира проспала побудку, потому что полночи не могла заснуть, и сквозь сон решила, что колокольчики в окне поют её собственным голосом. Потом выяснилось, что Сумерка ночью устроила себе гнездо из её плаща, и теперь на нём красовались серые кошачьи волоски и две дырочки от когтей. А потом в дверь постучали.

— Мира Ветрова? — пропищал голосок из-за двери. — Вас просят в кабинет директора. Немедленно. То есть сразу после того, как вы умоетесь, причешетесь и перестанете выглядеть так, будто вас жевала корова.

Мира открыла дверь. На пороге висел в воздухе крошечный бумажный голубь, сложенный так ловко, что у него даже были крохотные оригами-брови.

— Я Три, — гордо сообщил он. — Письмо Номер Три. Я работаю в канцелярии. Семь мой двоюродный брат, но он всё время хвастается, что его отправили за край карты, хотя заблудился в болоте.

— Я не просто так заблудился, — донеслось с кровати Миры, где в складках одеяла дремал сам Семь. — Я был на задании.

— На задании ты был у жабы в пасти, — ехидно ответил Три.

Ясна высунулась из-под одеяла, сонно моргнула и сказала:

— Если вы сейчас начнёте ссориться, я превращу вас в самолётики и отправлю в окно.

Бумажные братья мгновенно замолчали. Мира умылась ледяной водой, заплела косу, пригладила плащ и пошла за Тремя по коридору. Тимка догнал её на лестнице: он тоже был вызван, и вид у него был такой, словно его вели на казнь, причём на казнь с пирогами.

— Это из-за ночи, — шепнул он. — Нас сдал Пуговка.

— Пуговка нас не сдавал. Нас сдал профессор Немой.

— Хуже.

Кабинет директора находился в самой верхней башне, той самой, что была закручена спиралью. Чтобы добраться до него, нужно было подняться по лестнице из двухсот семидесяти ступеней, и на каждой десятой ступеньке сидели маленькие каменные гномы и выпрашивали у проходящих монетки или хотя бы хороший анекдот. Тимка рассказал им про мельника, который молот ветер, и два гнома захохотали так, что один скатился с лестницы и покатился вниз, как булыжник.

Дверь кабинета была круглая, с медной ручкой в виде совы. Сова открыла один глаз и сказала:

— Заходите. Только не трогайте часы.

— Какие часы? — спросил Тимка.

Но дверь уже отворилась, и вопрос отпал сам собой.

Весь кабинет, от пола до потолка, был завешан, заставлен и увешан часами. Тут были огромные напольные часы с маятниками размером с человека, крохотные карманные, висящие на цепочках, как пауки, песочные, водяные, солнечные, которые каким-то образом работали и без солнца. Все они тикали, но каждые шли по-своему: одни спешили, другие отставали, третьи шли в обратную сторону. От этого в кабинете стоял мягкий, густой, уютный шум, похожий на шорох дождя по крыше.

Директор Тихомолк сидел за огромным дубовым столом, заваленным бумагами, перьями и недопитыми чашками чая, и что-то писал. Маленькая сова на его плече дремала, засунув голову под крыло. Рядом, в кресле, сидел профессор Немой, который при виде детей слегка опустил глаза.

— Входите, дорогие мои, — сказал директор, не поднимая головы. — Садитесь. Там, где найдёте место. Если на стуле лежат часы, просто переложите их на другие часы.

Они кое-как расселись. Мира сняла со стула маленькие часики с гравировкой в виде лисицы, положила их на огромные напольные часы и села. Тимка не стал садиться, а встал, опираясь на спинку, как солдат.

Директор отложил перо, снял очки-половинки и тщательно протёр их краем мантии. Потом посмотрел на ребят так, что Мира поняла: сейчас будет говорить не директор школы, а просто очень усталый человек.

— Начну с главного, — сказал он. — Вы поступили неправильно. Спуститься ночью в нижние ярусы, не предупредив никого из учителей, это нарушение всех правил, которые я могу вспомнить, а помню я их немало, потому что сам нарушал каждое.

Тимка с облегчением выдохнул. Директор улыбнулся уголком рта.

— Но, — продолжил он, — я не стану вас наказывать. По крайней мере, не так, как следовало бы. Потому что вы увидели то, что должны были увидеть уже давно, и не по своей вине опоздали. Профессор Немой рассказал мне всё. Пуговка тоже, он, оказывается, очень принципиальный хранитель, хотя и притворяется ворчуном.

— Значит, это правда? — тихо спросила Мира. — Про Безмолвие? Про печать? Про маму?

Директор долго молчал. Часы в кабинете тикали всё громче, словно ждали ответа вместе с девочкой.

— Правда, — наконец сказал он. — Но не вся. Часть этой правды я знаю, а часть до сих пор только предполагаю, и об этом я скажу тебе честно, чтобы ты не решила, что я что-то утаиваю. Хотя, — он вздохнул, — иногда мне приходилось утаивать.

Он встал, подошёл к одной из стен и отодвинул тяжёлую бархатную занавеску, за которой оказалась огромная, на всю стену, карта острова в разрезе. Были нарисованы башни, залы, подземные ходы, а ниже, под островом, огромный кит. А ещё ниже, под ним, тёмная, пустая область, в которой не было ни линий, ни надписей.

— Много веков назад, — заговорил директор, — когда Академия только строилась, на этом месте не было ни острова, ни кита. Был только мир, полный звуков, и в одном месте этого мира родилась Тишина. Не та тишина, что приходит с ночью или с отдыхом, а другая. Голодная. Она не хотела слушать, не хотела говорить, она хотела, чтобы ничего не было. Она пожирала песни, шум ветра, слова, смех. Там, где она проходила, люди теряли голоса, а потом и память.

— Безмолвие, — шепнула Мира.

— Мы называем его так. — Директор кивнул. — Первые основатели Академии пришли с острова, который тогда ещё не плавал, и придумали способ его остановить. Они создали Лунный Ключ, хотя на самом деле это не ключ, а печать. В нём собрана песня. Песня кита, который согласился поселиться под островом и стать основой замка. С тех пор Безмолвие спит в самой глубине, в Мёртвом Эхе, а печать держит его там.

— Но печать слабеет, — сказала Мира. — Пуговка говорил, каждые двадцать пять лет.

— Да. И когда она слабеет, кто-то должен отдать ей свой голос. Добровольно. Это условие. Принудительный голос не работает. — Директор помолчал. — В нашей истории такое случалось несколько раз. Люди, которые это сделали, были храбрыми и добрыми, и никто из нас не может отплатить им за их жертву.

Мира подняла голову. Её глаза блестели, но слёз не было.

— А моя мама?

— Лада, — мягко сказал директор, — была лучшей ученицей на моей памяти. Она слышала то, чего не слышал никто из нас. Когда ей исполнилось семнадцать, пришло время обновить печать. Тогда у нас был другой директор, мой предшественник, и он готовил для этого одного юношу. Но юноша испугался, а твоя мама решила не ждать. В ночь Долгой Тишины, в день зимнего солнцестояния, она спустилась вниз и не вернулась.

— Её не нашли, — сказала Мира. — Только плащ и картину.

— Да. Мы не знаем, что с ней стало. Одни считают, что её голос ушёл в печать, и она просто перестала существовать. Другие верят, что она жива и находится где-то между звуками. Я бы хотел знать наверняка, но не знаю.

— Но тот шёпот... — начала Мира.

— Мира. — Это сказал профессор Немой. Он говорил тихо, сипло, как человек, который отвык от собственного голоса. — Я хочу, чтобы ты поняла одну вещь. Безмолвие умеет подражать. Оно слышит, чего хочет сердце, и отвечает этим голосом. Если ты слышишь маму, это может быть как она, так и ловушка.

— А как отличить? — Мира повернулась к нему.

— Пока никак. Поэтому мы хотим, чтобы ты научилась.

Директор кивнул.

— Вот что я предлагаю, Мира. Во-первых, ты остаёшься в Академии и учишься, как все. Никаких ночных прогулок, никаких самостоятельных спусков. Во-вторых, три раза в неделю, вечером, ты будешь заниматься с профессором Немым отдельно. Он научит тебя тому, что называется тихим слухом: способности слышать и не поддаваться. Без этого умения любое путешествие вниз закончится плохо.

— А в-третьих? — спросил Тимка. Он сказал это так, что все посмотрели на него. — Ну, обычно бывает три пункта.

Директор усмехнулся.

— В-третьих, у вас есть право задавать вопросы. Любые. Только не ночью и не в одиночку. — Он посмотрел на Миру. — Ты думаешь, что мы скрываем что-то. И ты права. Но я скрываю не из злого умысла, а потому что некоторые знания опасны, пока человек к ним не готов. Ты, вероятно, этого не понимаешь. Пока.

— Почему мне? — прошептала Мира. — Почему именно я слышу?

— Потому что ты её дочь, — просто ответил директор. — И потому что в тебе живёт что-то, чего мы не можем назвать. Когда ты вошла в зал, Ключ на башне повернулся. Это не происходило уже много лет.

Часы в кабинете вдруг, все разом, пробили один раз. Это был странный звук, будто колокол ударил в самом глубоком колодце. Директор вздрогнул и подошёл к окну. За окном, далеко внизу, кит тяжело вздохнул, и вся башня чуть качнулась.

— Он беспокоится, — тихо сказал Тихомолк. — Ключ повернулся, и кит почувствовал.

— Он проснётся? — спросил Тимка.

— Нет. Пока нет. Но до ночи Долгой Тишины осталось два месяца и несколько дней, и к этому сроку печать должна быть обновлена. Либо новым голосом, либо новым способом. Я, честно говоря, ищу второй вариант уже много лет и до сих пор не нашёл.

Он отвернулся от окна и добавил уже обычным голосом, который Мира уже начала узнавать:

— А теперь идите на завтрак. Вы наверняка голодные. И, Тимофей, Бруно просил передать, что для вас оставлен пирог без побегов.

Они вышли из кабинета молча. На лестнице гномы снова потребовали анекдот, но на этот раз Тимка только махнул рукой, и гномы, почуяв неладное, перестали приставать. Только внизу, у самого выхода, Тимка остановился и сказал:

— Мир, я с тобой.

— Я знаю.

— Нет, ты не знаешь. Я с тобой во всём. Даже если там пауки. Особенно если там пауки. Я просто хотел, чтобы ты это услышала вслух.

Мира улыбнулась. В первый раз за это утро.

— Спасибо, Тимка.

Они пошли дальше, и никто из них не заметил, что на самом верху лестницы, в тени арки, стоял мальчик в тёмной мантии и очень внимательно слушал. У него были гладкие чёрные волосы, острый подбородок и холодные серые глаза. На груди у него поблёскивал значок Дома Звонких, а в уголках губ дрожала тонкая, недобрая улыбка.

— Две новенькие мышки хотят влезть в большую игру, — тихо сказал он сам себе. — Ну-ну. Посмотрим, кто из вас кого переслушает.

Глава 6. Чих, от которого дрогнула школа

Мальчика с холодными глазами звали Ромуальд Гранит, и до первого урока Мира успела узнать о нём больше, чем хотела. Ясна выложила всё за завтраком, пока Мира ковыряла вилкой кашу, которая по какой-то причине пыталась запеть.

— Он из древнего рода Звонких, — говорила Ясна шёпотом, хотя вокруг стоял такой гвалт, что можно было кричать. — Его дед был директором до Тихомолка. Его отец заседает в Совете Равновесия, а сам он, говорят, умеет заклинание голоса лучше всех на втором курсе. И, между прочим, он совершенно невыносим. Он считает, что Дом Внимающих это Дом нытиков, которые только и умеют, что сидеть и слушать.

— А мы что, не так? — удивился Тимка, пробираясь к ним с тарелкой в каждой руке и ещё одной на голове. — В смысле, нет, я, конечно, из Строящих, но слушать тоже полезно.

— Ты поставь тарелку на голове на стол, — посоветовала Ясна. — Пока она не упала в кашу.

Тарелка упала в кашу. Каша обиделась и перестала петь.

Первый урок у Миры был «Заклинание звонка», который вела мадам Кларисса Звон, невысокая, яркая женщина с копной рыжих кудрей, перетянутых разноцветными лентами. Говорила она так быстро и громко, что у первокурсников закладывало уши, а когда волновалась, то начинала петь вместо речи. Учебный зал находился на третьем этаже в Звонкой башне. Весь пол в нём был покрыт множеством маленьких медных колокольчиков, которые отзывались на каждый шаг.

— Дорогие мои птенчики! — воскликнула мадам Звон, когда все расселись по кругу. — Сегодня мы начинаем самое великолепное из всех искусств: звонкое заклинание! Для тех, кто спит с открытыми глазами, объясняю: любая магия есть звук. Слово, нота, вздох, шёпот, крик, всё это нити, из которых плетётся заклинание. Но чтобы нить стала крепкой, нужно знать, как её выпускать из себя!

Она взмахнула руками, и в воздухе прозвенела серебряная нота. Колокольчики на полу отозвались мелодичным хором.

— Задание на сегодня простое. Каждый из вас должен издать звук, который заставит один колокольчик подпрыгнуть. Не два, не три, а один, но так, чтобы он оторвался от пола. Начинаем с Ромуальда, потому что он всё равно вызовется первым.

Ромуальд Гранит встал, оправил мантию и вышел в центр круга с таким видом, будто уже получил награду. Он закрыл глаза, чуть приоткрыл рот и издал чистую, высокую, идеально ровную ноту. Один из колокольчиков подпрыгнул, звякнул и приземлился обратно.

— Великолепно! — захлопала мадам Звон. — Прекрасный тембр, безупречная выдержка!

Ромуальд поклонился и бросил на Миру короткий насмешливый взгляд.

Остальные пробовали по очереди. У одной девочки колокольчик не шелохнулся, и она чуть не расплакалась, пока мадам Звон не утешила её и не подарила ей ленточку на удачу. У мальчика из Строящих колокольчик взлетел слишком высоко и застрял в люстре. Тоня, красная, как свёкла, прошептала что-то тоненьким голоском, и её колокольчик не подпрыгнул, но тихо запел сам, на три разных голоса, так нежно, что весь зал замолчал и слушал.

— Это не по заданию, — мягко сказала мадам Звон, — но это прекрасно. Молодец, Антонина. Ты поёшь не звуком, а смыслом.

Очередь дошла до Миры.

— Ветрова! — позвала мадам Звон. — Не бойся, милая. Все так начинают. Просто попробуй.

Мира вышла в центр. У неё вспотели ладони. Она закрыла глаза и попыталась сделать то, что делали остальные: собрать воздух, нащупать голос, выпустить ноту. Но голос не слушался. Она чувствовала внутри пустоту, огромную и гулкую, как колодец, и в этой пустоте не было нот. Только тот самый шёпот: «Мира... Мира... Мира...»

Она открыла глаза. Все смотрели на неё. Ромуальд улыбался. Девочки перешёптывались.
— Я... — начала Мира. — Я не умею.

— Ничего, — ласково сказала мадам Звон. — Попробуй ещё раз.

Мира попробовала. Не получилось. Ещё раз. Опять ничего. Колокольчики лежали неподвижно, как мёртвые птицы. В зале нарастало неловкое молчание. Кто-то хихикнул. Мира почувствовала, как у неё горят щёки, как першит в носу, как внутри что-то неумолимо поднимается к самой переносице.

«Нет, только не сейчас», — подумала она.

Но было поздно.

— Апчхи!

Это был не обычный чих. Это был чих, который копился четыре года, чих лесной, пылевой, сквозняковый, с примесью бабушкиных трав и глубокой обиды. Воздух в зале дрогнул, как натянутая струна. Из носа Миры вырвался вихрь. Не ветер, а именно звук, огромный, раскатистый, цветной. Он пролетел по всему залу, и все колокольчики на полу разом подпрыгнули под потолок, зазвенели хором и обрушились на пол золотым дождём. Люстра закачалась. Занавески взвились. У Ромуальда слетела мантия и повисла на торчащем из стены крючке. Мадам Звон, подхваченная вихрем, на секунду оторвалась от пола и опустилась обратно, с растрёпанными кудрями и ленточкой на макушке.

Наступила тишина. Такая, что слышно было, как одинокий колокольчик катится по полу к ногам Миры.

— Простите, — прошептала Мира. — Это бывает. Я чихаю. Иногда.

Мадам Звон смотрела на неё круглыми глазами. Потом медленно, как будто боялась спугнуть, расплылась в улыбке.

— Мои дорогие, — выдохнула она. — Мои птенчики. Вы только что видели чистый голос природы. Необработанный, дикий, нерассчитанный. Я преподаю двадцать лет и ни разу не видела, чтобы кто-то выдал такое с первого раза!

— Но я чихнула, — растерянно сказала Мира.

— Это не имеет значения! — Мадам Звон схватила её за руки. — Магия не спрашивает, в какую форму ты её упакуешь. Главное, что она есть. Колокольчики подпрыгнули все! Все до единого! — Она обернулась к классу: — Запишите, дети: звук рождается не только из голоса, но и из самого неожиданного места в человеке.

Тимка, который был в этом классе на «открытом» уроке для двух домов, захлопал первым. Ясна свистнула. Тоня тихо хихикнула в кулачок. Только Ромуальд, вернув себе мантию, смотрел на Миру тяжёлым, внимательным взглядом, в котором уже не было насмешки. Было что-то куда менее приятное: расчёт.

После урока Миру задержала мадам Звон.

— Ты не должна думать, что это случайность, — сказала она тихо, когда ребята вышли. — В твоём чихе была сила. Очень необычная. Я хочу, чтобы ты пришла ко мне на дополнительные занятия. Мы поищем способ направлять её.

— А что, если это случится не вовремя? — спросила Мира. — Например, на уроке с ботаникой? Или в библиотеке?

— Тогда, — мадам Звон подмигнула, — придётся, как говорят в таких случаях, извиняться перед люстрой.

В коридоре Миру догнали друзья. Ясна толкала её плечом и хохотала.

— Ты видела лицо Гранита? Он будто лимон проглотил, но лимон оказался с косточками!

— Я не хотела, — сказала Мира. — Я просто...

— Ты сделала то, чего он не умеет. Ты заставила звук ожить, а не сыграть, — сказала Тоня тихо, и все удивились, потому что девочка заговорила сама.

— Правда? — спросила Мира.

— Ну... — Тоня покраснела. — Я так думаю. В книгах про старые заклинания пишут, что настоящий голос магии не поддаётся управлению. Он как кошка. Приходит и уходит когда хочет.

— Ну, мой пришёл в самое неподходящее время, — вздохнула Мира.

— Самые лучшие заклинания всегда приходят в самое неподходящее время, — философски заметил Тимка, откусывая от пирога. — Иначе какие они заклинания.

Они шли по коридору, смеясь, и не заметили, что воздух позади них на секунду стал глухим. Совсем чуть-чуть. Как будто из мира вынули один тонкий слой звука и положили в карман.

На следующем уроке, «Истории магических путей», Георгий Львович опоздал. Это было странно: старый каменный лев никогда не опаздывал, потому что вообще-то никуда не двигался без нужды. Класс ждал минут десять. Потом дверь тихо открылась, и вошёл он, медленно, осторожно, с каким-то странным выражением на гранитной морде.

— Дорогие мои, — сказал он, и голос у него был очень тихий. — Прошу прощения за задержку. Сегодня утром, по дороге сюда, я проходил мимо Южной террасы. И там, на скамейке, сидел мальчик. Очень тихий мальчик, который смотрел на меня, но ничего не говорил. Я спросил, как его зовут, а он только открыл рот. И... — Лев замолчал. — Ничего не вышло. Ни звука.

Классу стало холодно.

— Он потерял голос? — спросил кто-то.

— Хуже, — ответил Георгий Львович. — Он потерял право его иметь. Я знаю, что это значит. Я видел такое один раз, очень давно.

Мира почувствовала, как у неё холодеют пальцы. Она посмотрела на Тимку, на Ясну, на Тоню. Все четверо думали об одном и том же.

Первый звонок прозвенел. Безмолвие вышло на охоту.

Глава 7. Библиотека, где шепчут призраки

Новость о безголосом мальчике разлетелась по школе быстрее, чем сплетня по деревне. К обеду о ней знали все: от первокурсников до повара, который, говорят, уронил поварёшку в суп и потом полчаса не мог её найти от волнения. Мальчика звали Лёвка Дымов, ему было десять, он учился в Доме Строящих, и вчера вечером ещё распевал на всю башню песенку про рыжего кота.

Целители из лазарета осматривали его весь день. Вечером Тимка, который успел сбегать туда с пирогом для друга, вернулся белый как мел.

— Он сидит на кровати и смотрит в окно, — сказал он. — Глаза живые, всё понимает, кивает, пытается что-то сказать. Но как только открывает рот... — Тимка сглотнул. — Мира, там просто пустота. Как будто из него вынули всё, что звучит. Даже дыхание у него беззвучное.

— Это не болезнь, — тихо сказала Тоня. Она сидела на подоконнике, обняв своего плюшевого зайца, и смотрела на кита за окном. — В книгах такое называется «отъятие». Когда Безмолвие забирает голос, оно оставляет человека живым, но пустым. Так оно питается.

— Откуда ты знаешь? — спросила Ясна.

— Читала. — Тоня опустила глаза. — В библиотеке есть закрытый отдел. Я нашла его, когда мне было девять, и зашла, потому что дверь была приоткрыта. Меня потом вывели, но я кое-что успела прочесть.

Все четверо посмотрели друг на друга.

— Библиотека, — сказала Мира. — Нам нужно туда. Там должно быть что-то про печать, про маму. Что-то, что директор не рассказал.

— Нас не пустят в закрытый отдел, — возразила Ясна.

— Нас и не будут спрашивать, — улыбнулась Тоня неожиданно хитро. — У меня есть право читать любые книги общего зала. А закрытый отдел находится прямо за общим. Я знаю, как проскочить.

План был простой и в духе первокурсников: заранее идти в библиотеку днём, делать вид, что готовишься к урокам, и дожидаться удобного момента. Мира согласилась сразу. Тимка поворчал, что от пыльных книг у него чешется нос, но тоже согласился. Ясна пообещала отвлечь библиотекаря.

Библиотека Академии находилась в Западной башне и занимала целых девять этажей. Стеллажи уходили вверх так высоко, что терялись в золотистой дымке, а по узким лесенкам и мостикам между ними порхали бумажные птицы, развозя книги читателям. Пахло старой бумагой, воском и чем-то сладким, вроде печёных яблок.

— Тихо, пожалуйста, — прошелестел голос откуда-то из воздуха. — Здесь читают.

Мира вздрогнула и оглянулась. Перед ней, прямо из стеллажа, выплыла полупрозрачная фигура. Это была девочка лет двенадцати, в длинном платье старого покроя, с фиалковыми лентами в волосах и с большой книгой, прижатой к груди. Сквозь её платье просвечивали корешки книг за спиной.

— Здравствуйте, — шёпотом сказала Мира. — Вы... библиотекарь?

— Помощница библиотекаря, — важно ответила девочка. — Фиалка. Мне сто двадцать лет, но я навсегда двенадцатилетняя. Это такая особенность моей профессии. А вы, вижу, новенькие, у вас на лицах написано «хотим нарушить правила».

— Мы просто хотели почитать, — быстро сказал Тимка.

— Все так говорят, — Фиалка засмеялась тихо, как шелестит страница. — Ладно, не бойтесь. Я не выдам. Я тоже любопытная. Скажите лучше, что именно вам нужно?

Ясна наклонилась к ней и очень серьёзно сказала:

— Нам нужны книги про Безмолвие. И про Ладу Ветрову.

Фиалка перестала улыбаться. Книга в её руках слегка дрогнула.

— Лада, — повторила она тихо. — Я её помню. Она часто здесь сидела, вон за тем столом у окна. Просила у меня книги, которых больше никто не брал. Я иногда читала с ней вместе, хотя призракам, строго говоря, не положено. — Она посмотрела на Миру. — Ты её дочь. У тебя её походка.

— Вы знаете, где она? — выдохнула Мира.

— Нет. — Фиалка покачала головой. — Но я знаю, где она оставила последнюю вещь. Идёмте. Только тихо.

Она поплыла вдоль стеллажей, не касаясь пола, и ребята пошли за ней, стараясь не скрипеть. Они миновали зал с картами, потом комнату со свитками, потом узкий коридор, где книги шептались между собой на непонятных языках. В самом конце коридора стояла маленькая дверь, и на ней висел большой замок в форме совиной головы.

— Закрытый отдел, — прошептала Фиалка. — Замок открывается только на слово, но слово это меняется каждый месяц. Я его знаю, но сказать не могу: клятва библиотекаря.

— А если не слово? — спросила Мира.

— Тогда... — Фиалка задумалась. — Замок живой. Он любит загадки и терпеть не может, когда его обманывают. Но он очень любит тех, кто умеет слушать.

Мира подошла ближе. Совиный замок смотрел на неё круглыми стеклянными глазами. Она прислонила ладонь к холодному металлу и закрыла глаза.

Сначала ничего. Потом далёкий, едва слышный звук: тик, тик, тик. Шаги времени. Мира сосредоточилась, как учил профессор Немой. «Слушай то, что не договаривают». Тик-тик-тик. И вдруг она услышала другое: тихое, ровное, неторопливое дыхание. Замок дышал. Он спал, а во сне видел сон про старую хозяйку, которая каждый вечер желала ему доброй ночи.

— Спокойной ночи, — сказала Мира вслух, сама не понимая почему.

Замок щёлкнул. Совиные глаза мигнули, и дужка откинулась.

— Что ты сказала? — поражённо спросила Фиалка.

— Просто пожелала спокойной ночи. Он спал.

— Лада тоже так делала, — прошептала Фиалка, и по её прозрачному лицу скользнула тень, похожая на слезу. — Всегда желала замку доброй ночи, хотя знала слово. Ты... ты в точности как она.

Дверь открылась. За ней оказалась небольшая круглая комната, вся уставленная пыльными фолиантами. В центре стоял пюпитр, на котором лежала толстая книга в тёмно-синем переплёте, перевязанная выцветшей лентой.

— Её дневник, — тихо сказала Фиалка. — Она оставила его мне перед тем, как... Я должна была отдать его тому, кто придёт и сумеет открыть замок без слова.

— Почему вы не отдали директору? — спросил Тимка.

— Потому что она так просила, — просто ответила Фиалка. — «Только тому, кто придёт сам. Только если спросит».

Мира взяла дневник дрожащими руками. Переплёт был тёплый, будто его только что держали. Лента развязалась сама, и книга раскрылась на первой странице. Почерк был мелкий, ровный, с красивыми завитками.

«Если ты это читаешь, значит, ты слышишь. Значит, у тебя мои глаза и, наверное, мой нос, которым ты будешь чихать в самый неподходящий момент. Не пугайся. Это не дар и не проклятие. Это просто тот, кто ты есть.

Я пишу это в тринадцать лет, в первый год в Академии, и пока не знаю, что будет дальше. Но я чувствую: что-то ждёт меня внизу, под китом. Что-то очень старое и очень одинокое. Не злое, как все думают. Просто одинокое.

Запомни: Безмолвие не враг. Оно...»

Дальше страница была вырвана. Остался только рваный край и несколько слов на следующей, написанных уже другим, нервным почерком:

«...доверяй тем, кто говорит тихо. Береги ключ. Они придут за ним».

— Кто придёт? — спросила Мира у книги, словно та могла ответить.

И в этот момент в коридоре за дверью раздались шаги. Тяжёлые, размеренные, уверенные, не детские. Фиалка побледнела, насколько это возможно для привидения.

— Это Страж отдела, — шепнула она. — Он проверяет замки каждый вечер. Прячьтесь! Быстро!

Ребята метнулись по сторонам. Тимка нырнул за стеллаж, Ясна под стол, Тоня в дальний угол. Мира, сжимая дневник, не успела спрятаться: дверь распахнулась, и на пороге появился высокий человек в тёмной мантии. Лицо его скрывала тень, но Мира заметила знакомый значок на груди: серебряный полумесяц, знак Совета Равновесия.

— Опять открыт, — сказал он негромко. — Кто-то здесь есть.

Он шагнул внутрь, и Мира вдруг поняла, что слышит его шаги не так, как обычно. Они звучали слишком чисто, слишком ровно, как у человека, который не оставляет звука. Тот самый «слишком ровный» шаг, о котором говорил шёпот.

Страж остановился в двух шагах от неё.

— Ветрова, — произнёс он, и в голосе его не было удивления. — Я так и думал, что ты придёшь.

Мира прижала дневник к груди. Она даже не успела подумать, что делать. Нос защекотало, и в голове мелькнуло: «Бабушка сказала: когда страшно, чихни».

— Апчхи!

Вихрь сорвался с её носа и ударил в лицо стража. Капюшон слетел, мантия взметнулась, а книги со стеллажей посыпались на пол. Мира увидела бледное, незнакомое лицо с гладкой кожей без единой морщины, с пустыми, как стекло, глазами. И воздух вокруг этого лица был совершенно глухим.

— Тимка! Бегите! — закричала она.

Они выскочили из-за укрытий и рванули к двери. Фиалка взвилась над головами и закричала на всю библиотеку голосом настоящего, хоть и призрачного библиотекаря:

— Нарушители! Нарушители!

Бумажные птицы поднялись разом, стая разноцветных листов закружилась вокруг стража, закрывая ему обзор. Ребята вылетели в коридор, пронесли мимо шепчущихся полок, вниз по лестнице, через зал с картами и наконец остановились, задыхаясь, во дворе у фонтана.

— Это был... не человек, — выговорила Ясна, хватаясь за бок. — Лицо... оно же как маска.

— У него не было звука, — тихо сказала Мира. — Совсем. Ни шагов, ни дыхания, ничего. Я чувствовала только пустоту.

— Значит, Безмолвие уже здесь, — прошептала Тоня. — Внутри школы. Оно ходит среди нас.

Мира опустила взгляд на дневник. Он всё ещё был в её руках, тёплый и тяжёлый, как живое существо. Из-за страницы торчал краешек пожелтевшей бумаги. Мира осторожно вытянула его. Это была карта. Старая, нарисованная рукой Лады, с пометками на полях. На ней был остров, замок, нижние ярусы, и красной точкой отмечено место глубоко под галереей пропавших.

Под точкой стояла подпись:

«Мёртвое Эхо. Приходи, когда будешь готова. Не раньше».

Глава 8. Тихий слух

Следующие три дня Мира почти не спала. Дневник Лады она спрятала под матрасом, а карту сложила вчетверо и зашила в подкладку плаща, как научила её Ясна, у которой, как выяснилось, была бабушка-шпионка. Тимка предлагал спрятать её в пироге, но его идею отвергли единогласно.

Читать дневник приходилось урывками, по две-три страницы за раз. Лада писала быстро, мысли перескакивали с одного на другое: то про урок с папоротниками, то про песню кита, то про друга по имени Дима, который мог свистеть на три лада и боялся пауков. Мира читала это и не могла понять, смеяться ей или плакать. Мама была совсем как она сама. И совсем не такой, какой Мира её представляла.

Но каждую ночь, когда она закрывала глаза, шёпот возвращался. Он стал чётче. Не просто «Мира», а целые обрывки фраз: «...не доверяй тишине... ключ... внизу...» Мира слушала и боялась, что с каждой ночью голос звучит всё более знакомо и всё менее по-настоящему.

В четверг вечером пришло время первого занятия с профессором Немым.

Класс слушания был пуст и тёмн. В центре зала, на каменном полу, горела единственная свеча в простом глиняном подсвечнике. Профессор сидел напротив неё, скрестив ноги, и выглядел совсем не как учитель, а как усталый путник у костра.

— Садись, — тихо сказал он.

Мира села. Профессор не писал в воздухе, не делал знаков. Он просто смотрел на неё и молчал. Тишина в зале была густой, как кисель, но не давящей.

— Я не люблю говорить, — наконец произнёс он. — И ты уже догадалась почему.

— Вы боитесь, что Безмолвие услышит.

— Не совсем. — Он слегка улыбнулся одним уголком рта. — Я боюсь, что оно услышит слишком хорошо. Много лет назад я потерял... кое-что. Потерял голос, но не так, как Лёвка. Я потерял то, что говорит человек, когда не говорит ничего. И с тех пор слова даются мне тяжело. Я предпочитаю, чтобы они были написаны, а не сказаны.

— Почему вы мне это рассказываете?

— Потому что ты должна понять, с чем имеешь дело. — Он помолчал. — Тихий слух, Мира, это не просто умение слышать. Это умение быть одновременно в звуке и вне него. Слышать голос и понимать, чей он. Не поддаваться, когда он зовёт. Иначе...

— Иначе я не отличу маму от ловушки.

— Именно.

Он взял со стола небольшую медную чашу и поставил её между ними. Налил в неё воды из кувшина. Вода была тёмной, почти чёрной, как ночное небо.

— Это Зеркало эха, — пояснил он. — Если смотреть в него и слушать одновременно, оно покажет тебе звук, как картину. Смотри. Я скажу тебе три фразы. Одну правдивую, одну лживую, одну слишком хорошую, чтобы быть правдой. Ты должна определить, какая какая.

— Как?

— Слушай не слова, а то, что за ними.

Он наклонился над чашей и тихо произнёс:

— Я не боюсь Безмолвия.

По воде пошли круги. Они были неровные, рваные, с красноватыми прожилками.

— Я дам тебе всё, что ты хочешь.

Круги стали гладкими, ровными, золотистыми, почти красивыми.

— Я рад, что ты здесь.

На воде мелькнуло что-то мягкое, голубоватое, тёплое.

Мира долго смотрела на чашу. Потом подняла глаза.

— Первая ложь. Вы боитесь. Круги рваные. Вторая слишком хорошая, она слишком ровная, как будто кто-то выровнял её специально. А третья настоящая.

Профессор Немой слегка выпрямился. В его светлых глазах мелькнуло удивление.

— Верно. Ты поняла это с первого раза.

— Но я не поняла как, — призналась Мира. — Я просто... почувствовала.

— Это и есть тихий слух. — Он снова налил воды, и чаша успокоилась. — Запомни: правда никогда не бывает слишком гладкой. У неё всегда есть шероховатость, дыхание, неловкая пауза. А ложь старается быть красивой. Безмолвие красиво. Оно умеет подражать идеально. Поэтому первый признак опасности — слишком ровный голос.

Мира вспомнила стража в библиотеке и ровные, безупречные шаги.

— Профессор, — сказала она. — В библиотеке мы встретили... существо. Оно было похоже на человека, но не звучало.

— Знаю, — ответил он. — Фиалка рассказала. Это Пустой. Так их называют. Люди, у которых Безмолвие забрало всё звучащее и вселилось в оставшуюся оболочку. Они ходят, дышат, говорят чужими голосами, но внутри пусты.

— Они... служат Безмолвию?

— Скорее, являются его руками. — Профессор нахмурился. — Если один из них появился в закрытом отделе, значит, у Безмолвия есть глаза внутри школы. А это значит, что печать слабеет быстрее, чем мы предполагали.

— Кто может быть Пустым? — спросила Мира. — Кто-то из учителей?

— Возможно. — Профессор взглянул на неё серьёзно. — Именно поэтому я прошу тебя быть осторожной. И не доверять никому, кто говорит слишком ровно. Даже мне.

— Вам?

— Даже мне, — повторил он. — Особенно мне. Потому что я тоже когда-то слушал слишком долго.

Мира смотрела на него. На его усталое лицо, на тихие руки, на подпалины света от свечи. Она не могла представить, что человек, который каждый раз, когда она заходила в класс, смотрел на неё с такой осторожной добротой, мог быть чем-то опасным.

— Нет, — сказала она вслух. — Вы не такой.

— Ты не знаешь, какой я.

— Знаю. — Она склонила голову набок, так, как делала бабушка. — Потому что вы сказали про рваные круги. Ложь красивая, а вы не красивый. Вы ужасно запинаетесь. Значит, вы настоящий.

Профессор молчал долго. Потом тихо, почти неслышно, рассмеялся. Это был короткий, сухой, непривычный смех, как скрип старой двери, которую давно не открывали.

— Ты всё-таки дочь Лады, — сказал он. — Она тоже говорила что-то в этом роде. Только ещё и добавила, что у меня нос, как у кукушки.

— Вы знали маму?

— Я был её учителем. — Он отвёл взгляд. — И её другом. И, как оказалось, самым плохим другом, потому что не сумел её остановить.

Свеча качнулась. На стене проступила тень, длинная и странная, словно кто-то стоял за дверью. Мира вздрогнула, но профессор поднял руку.

— Тихо. Не двигайся. Слушай.

Они замолчали. В классе стояла тишина, но теперь Мира слышала её иначе. Через слои тишины она различила едва заметные звуки: дыхание кита, скрип половиц, далёкий смех. А ещё, совсем рядом, на самой границе слуха, тонкий, почти неслышный звук: шорох, как будто кто-то очень осторожно скрёб ногтем по камню.

— Это за дверью, — шепнула она.

— Верно. Кто?

Мира сосредоточилась. Шорох сопровождался чужими мыслями, хотя вслух ничего не звучало. Мысли были острые, холодные, настороженные. Она узнала их.

— Ромуальд, — выдохнула она.

Профессор Немой встал, бесшумно подошёл к двери и резко открыл её. На пороге замер Ромуальд Гранит с прижатым к дереву ухом. Увидев профессора, он побледнел, потом выпрямился и сделал вид, что просто проходил мимо.

— Я... э... искал мадам Звон.

— В два часа ночи в подземной аудитории? — спросил профессор. Голос его был хриплым, но очень спокойным.

— Я, возможно, перепутал этаж.

— Возможно. — Профессор склонил голову. — Мистер Гранит, вы получите две недели дополнительных работ в библиотеке. Без права на объяснения.

Ромуальд мрачно кивнул, бросил на Миру быстрый, злой взгляд и ушёл. Его шаги, отметила Мира, были быстрыми, неровными, живыми. Совсем не как у Пустого.

— Он не Пустой, — сказала она, когда профессор закрыл дверь.

— Нет. Он просто любопытный. И очень честолюбивый. Хуже, чем Пустой, потому что за ним невозможно угадать, чего он захочет в следующий момент.

Мира улыбнулась. Профессор сел обратно и посмотрел на неё долгим взглядом.

— Теперь вернёмся к тихому слуху. У нас будет много работы. Через два месяца, до ночи Долгой Тишины, ты должна научиться слышать так, как не умеют многие взрослые маги. И запомни: чтобы победить Безмолвие, недостаточно просто слышать. Нужно уметь отвечать.

— Отвечать чем? — спросила Мира.

— Тем, что у тебя есть, — просто сказал профессор. — Тем, чего нет у него. Каждый человек уникален тем, что звучит только он. Безмолвие может украсть голос, но не может украсть то, как ты на самом деле молчишь.

— Как это?

— Узнаешь, — ответил он. — Всему своё время.

В ту ночь Мира вернулась в комнату поздно. Ясна уже спала, Тоня читала с фонариком под одеялом, а Сумерка, свернувшись на подоконнике, наблюдала за китом. Мира тихо легла, закрыла глаза и прислушалась.

Теперь шёпот звучал иначе. Он был громче, но Мира уже не пугалась. Она слушала, как учил профессор, не слова, а то, что за ними.

«Мира... Мира... Мира...»

Голос был гладкий. Слишком гладкий.

— Ты не мама, — сказала Мира тихо, в темноту. — Мама сказала бы что-нибудь неловкое. Мама бы запнулась.

Шёпот на секунду смолк. Потом, совсем другим голосом, не плавным, а рваным, хриплым, усталым, донеслось:

«...Умница».

И пропало.

Мира села на кровати, сердце колотилось. Это был другой голос. Настоящий. Он шёл не из-под пола, а откуда-то издалека, словно кто-то пробивался сквозь стену.

Сумерка повернула голову, зевнула и тихо сказала по-кошачьи:

— Мяу.

Что на языке Сумерки, как позже выяснилось, означало: «Наконец-то».

Глава 9. Три лада свиста

Тимка свистел. Он свистел за завтраком, свистел на уроке, свистел в коридоре, и все вокруг уже привыкли. Только Мира, читавшая вторую половину дневника, вдруг подняла голову от каши и прислушалась.

— Тим, — сказала она. — Ещё раз.

— Что ещё раз?

— Свистни так, как ты свистишь, когда думаешь.

Тимка удивился, пожал плечами и свистнул. Это была короткая мелодия на три ступеньки: вверх, вниз, потом протяжно вверх. Он так свистел с тех пор, как Мира помнила его, и никогда не задумывался, откуда это у него.

Мира молча протянула ему дневник, раскрытый на нужной странице. Там, среди рисунков папоротников и записей про кита, было нарисовано несколько нот, а под ними подпись рукой Лады:

«Димкин свист. Три лада. Когда он свистит, даже Безмолвие слушает. Только пауков боится, смешной».

Тимка прочитал. Потом прочитал ещё раз. Лицо его медленно меняло цвета: сначала стало бледным, потом красным, потом серьёзным, какого Мира у него никогда не видела.

— Это мой отец, — сказал он. — Дмитрий Мельников. Мельник из Подлесья.

— Он здесь учился?

— Не знаю. Он никогда не говорил. Он вообще мало говорит. Только свистит. — Тимка потёр лоб. — И пауков он правда боится. Я думал, это у нас семейное.

Ясна, Тоня и Бруно, сидевшие рядом, молча слушали. Бруно медленно отодвинул свою тарелку, что у тролля означало высшую степень тревоги.

— Надо ему написать, — сказала Мира.

— Я не умею писать письма, — признался Тимка. — Только рисовать мосты.

— Семь умеет носить. А писать буду я. Только нужно спросить так, чтобы он не испугался.

Они провозились с письмом весь вечер. Мира писала, Тимка зачёркивал, Ясна предлагала красивые обороты, Тоня исправляла ошибки, а Бруно в углу тихо жарил на печке орехи. Письмо получилось такое:

«Папа! Я в хорошей школе. Тут тоже есть кит и пироги. Ты знаешь, что такое Лунный Ключ? Если знаешь, ответь. Если не хочешь, тоже ответь. Я люблю тебя. Тимка».

Семь взял письмо в клюв, смешно хлопнул крыльями и вылетел в окно.

— Три дня туда, три обратно, — объявил он на прощание. — Если не заблужусь.

— Только не в болоте, — крикнули ему вслед.

— Один раз! — обиженно донеслось из темноты.

Пока Семь летал, жизнь в школе шла своим чередом, но с оттенком тревоги. Лёвку из лазарета перевели в тихую комнату на третьем этаже. Целители сделали всё возможное, но голос не возвращался. Мальчик сидел у окна, кормил голубей и иногда рисовал. Мира навестила его в пятницу. Она принесла яблоко и тетрадь с карандашами.

— Привет, — сказала она. — Я Мира. Я пришла просто посидеть.

Лёвка кивнул. Он был худенький, светловолосый, с огромными серыми глазами. На подоконнике стояла кружка, в которой, к удивлению Миры, плавало маленькое чайное привидение. Оно кружилось в чашке и тихо булькало.

— Это Чай-Тян, — написал Лёвка на тетрадном листе. — Он со мной с первого дня. Теперь он единственный, кто со мной разговаривает.

— Он что-то говорит?

— Булькает. Но я понимаю.

Мира села рядом. Некоторое время они молчали. Она прислушалась и вдруг почувствовала нечто странное. Не пустоту, как говорил Тимка. Скорее, замок. Тонкий, прозрачный, на котором не было ключа.

— Лёвка, — сказала она тихо. — Можно я попробую одну вещь? Это не больно. Я просто послушаю.

Он кивнул. Мира закрыла глаза и сосредоточилась так, как учил профессор Немой. Сначала ничего. Потом слабый, далёкий звук, словно кто-то пел под водой. Знакомая песенка про рыжего кота. Но голос был заперт где-то глубоко, за толстой стеной тишины, и стена была гладкой, без щелей.

— Он там, — сказала она, открывая глаза. — Голос не пропал, Лёвка. Он спрятан. Его кто-то держит.

Мальчик вздрогнул. Потом схватил карандаш и написал крупными буквами: «Кто?»

— Не знаю. Но я узнаю. Обещаю.

Она вышла из комнаты с ощущением, что только что дала самое серьёзное обещание в жизни. Тимка ждал в коридоре. Увидев её лицо, он ничего не спросил, просто пошёл рядом.

Ответ пришёл через шесть дней. Семь влетел в окно, едва живой, весь в паутине и с одним сломанным крылом. Он рухнул на стол прямо в миску с кашей и тяжело задышал.

— Паутина, — выдавил он. — Огромные пауки. Целая банда. Они хотели меня съесть, но я сказал, что я срочная почта, и они отпустили.

— Пауки умеют читать? — удивился Тимка.

— Они уважают бумагу, — ответил Семь с достоинством. — Вот письмо. Я его не открывал. Правда. Почти.

Тимка осторожно взял конверт. Он был простой, серый, с неровным почерком: «Тимофею Мельникову, в школу». Рука у отца была грубая, и буквы выходили крупные, как булыжники.

Они собрались в пустом классе. Тимка вскрыл конверт ножом для масла и вынул одинокий листок.

«Сын. Прочитал письмо дважды. Потом сел и сидел долго.

Да, я знаю, что такое Лунный Ключ. Я учился там почти тридцать лет назад. С Ладой Ветровой мы были неразлучны, как вы сейчас с Мирой. Она была лучше всех нас.

Я ушёл из Академии в ночь, когда она спустилась вниз. Не потому, что испугался. Потому что она взяла у меня одну вещь, и я до сих пор не знаю, зачем.

Ты спросишь какую. Я скажу при встрече. Но не сейчас: письма читают разные руки.

Одно скажу сразу. Не ходите туда, где слишком тихо. И если услышите ровный голос, закройте уши. Я свистел, чтобы заглушить его. Все эти годы.

Береги Миру. Она похожа на неё.

Отец».

Тимка перечитал письмо, сложил его пополам и аккуратно спрятал в карман. Потом сел на пол, обхватил колени руками и долго смотрел в стену.

— Он не рассказывал, — сказал он наконец. — Всю мою жизнь молчал.

— Он защищал тебя, — тихо сказала Ясна.

— От чего? От воспоминаний?

— От Безмолвия, — ответила Тоня. — Тишина питается воспоминаниями. Он учился не думать, чтобы его не нашли.

Тимка поднял голову. Глаза у него были красные, но улыбка вышла настоящая.

— Мира, — сказал он. — Он сказал: «Она взяла у меня одну вещь». Что это может быть?

Мира подумала. В дневнике было несколько страниц, склеенных между собой, которые она до сих пор не решалась разорвать. Она достала книгу и осторожно просунула в щель между страницами тонкий ножик Бруно. Бумага поддавалась с тихим вздохом.

На склеенных страницах была одна-единственная запись, нарисованная чернилами и немного размытая:

«Д. отдал мне свой свист. Не навсегда, на время. Это единственное, что слышит Безмолвие и не может украсть, потому что свист не слово и не песня, а просто воздух, которому дали форму. Если я не вернусь, он заберёт его обратно. Но если вернусь, мы споём втроём. Он, я и тот, кто придёт».

Под записью был нарисован маленький ключ в форме полумесяца и три ноты.

— «Тот, кто придёт», — прошептала Ясна. — Это же вы. Вы трое.

— Нас четверо, — поправил Тимка и неловко добавил: — Ну, пятеро, если считать Семь.

— Шестеро, — вставил Бруно из угла. — Я тоже хочу быть.

Мира не стала спорить. Она вдруг ясно поняла, что идти придётся не одной. И ещё поняла, что отец Тимки, молчаливый мельник, всю жизнь держал в себе тайну, которая могла спасти остров. Он молчал не из трусости. Он молчал, потому что тишина вокруг него была единственной защитой.

— Тим, — сказала она. — Свистни ещё раз.

Тимка засвистел. Три ступеньки: вверх, вниз, протяжно вверх. И тут, прямо в классе, из карманов её плаща, из подкладки, из лоскутка рыбьей чешуи, раздался ответный звук. Тонкий, серебристый, едва слышный, как отзвук далёкого колокольчика.

Плащ откликнулся на свист.

Все замерли. Мира медленно развернула лоскут и вынула из подкладки крошечный предмет, который никто раньше не замечал. Это была ключевая борода, не больше ногтя, вырезанная из лунного камня. Она слабо светилась и пульсировала в такт свисту.

— Ключ, — выдохнула Ясна.

— Не весь, — сказала Мира. — Только часть. Мама спрятала её в плаще. Для меня.

Тимка перестал свистеть. Свет в камешке погас. В комнате стало очень тихо.

— Значит, это правда, — сказал он. — Что-то вроде судьбы.

— Нет, — Мира улыбнулась, сжимая в ладони холодный камень. — Просто очень хорошая подготовка.

За окном ударил колокол. Начался вечер. И где-то глубоко под школой, в тишине, которой нет конца, кто-то услышал свист и очень тихо, очень вежливо, очень гладко проговорил:

«Нашлись».

Глава 10. Эхобол

В Академии Лунного Ключа была традиция, которую не отменяли даже во времена опасностей: осенний турнир Домов. Он проходил в конце октября, когда ночи становились длинными, а звёзды над островом висели так низко, что казалось, их можно достать метлой. Турнир назывался «Эхобол», и сам по себе был великолепным безумием.

Правила Тимка объяснял в столовой, расставляя на столе солонки, ложки и хлебные корки.

— Значит, так. Есть стадион, круглый, под открытым небом. Посередине висит Звонкий мяч. Он не мячик, а настоящий шарик из застывшего эха, и если его ударить, он поёт. Каждая команда состоит из семи человек. Двое слушателей, двое звонких, двое строителей, один хранитель. Слушатели ловят звук мяча, звонкие отправляют его, строители ставят заслоны, а хранитель держит ворота.

— Ворота, — сказала Ясна. — Это те огромные кольца на столбах?

— Да. Нужно протолкнуть мяч через кольцо противника так, чтобы он не успел перепеть. Если мяч успевают перепеть, он меняет хозяина.

— Перепеть? — не поняла Мира.

— Ну, спеть лучше, чем противник. Мяч слушается того, чей голос звучит чище.

— А если у кого-то голос, как у лягушки? — спросил Бруно.

— Тогда у него есть строители, — сказал Тимка. — Мы ставим стены из звука, чтобы лягушку никто не слышал.

Мира слушала и чувствовала, как у неё внутри тихо тает надежда на спокойный октябрь. Ясна, которая с первого дня болела за Дом Внимающих, вскочила и закричала, размахивая вилкой:

— В этом году мы победим! Нас давно никто не видел в финале!

— Нас не видели в финале лет двадцать, — мрачно напомнила Тоня. — Из-за Гранита и компании.

В тот же вечер выяснилось, что капитан команды Внимающих, шестикурсник по имени Игнатий Соловьёв, тяжело заболел. Не опасно, просто простудился, как это бывает с каждым, кто слишком долго стоит на ветру с открытым ртом. Команда осталась без слушателя, и на его место очень быстро нашли замену.

— Мира Ветрова, — сказал новый капитан, высокая девушка с тугими косами по имени Агата. — Ты слышала так, что весь зал подпрыгнул. Нам нужен такой слух.

— Я не умею играть, — возразила Мира.

— Научим.

— Я чихаю.

— Это даже лучше.

Первую тренировку Мира запомнила на всю жизнь. Ей выдали лёгкие кожаные перчатки с серебряными нитями, чтобы чувствовать вибрацию мяча, и поставили в центре поля. Агата встала рядом и коротко объяснила суть: слушатель закрывает глаза и ловит мелодию мяча, потому что мяч поёт у каждого по-своему, и если поймать его песню, можно подсказать команде, куда он полетит.

Звонкий мяч оказался огромным, размером с арбуз, прозрачным, переливающимся разными цветами, как мыльный пузырь. Он парил над землёй и тихо гудел.

— Слушай, — сказала Агата.

Мира закрыла глаза. Стадион наполнился звуками: топот ног, шорох плащей, крики, свист ветра. Она отодвинула всё это в сторону, как учил профессор Немой, и осталась наедине

с мячом. Сначала он пел общую, нестройную мелодию, а потом вдруг, будто узнав её, повернулся и запел тоньше, ближе.

«Мира... Мира... Мира...»

Она вздрогнула и открыла глаза. Мяч висел перед ней неподвижно. Все смотрели на неё.

— Что случилось? — спросила Агата.

— Ничего, — выдохнула Мира. — Просто... он спел моё имя.

— Это нормально. Мяч подстраивается под слушателя. У каждого своя песня.

Но Мира знала, что это не так. Тот голос был слишком знаком. Слишком гладок.

Остаток недели прошёл в тренировках. Тимка в качестве строителя ставил стены из звука, и каждый раз, когда он свистел свои три ступеньки, поле вокруг него наполнялось золотистым светом, и стена выходила такой крепкой, что мяч отскакивал от неё как от камня. Бруно встал на ворота и, к общему удивлению, стал лучшим хранителем за последние годы: тролль не двигался, но мяч каждый раз сам, будто смущённый, обходил его стороной. Ясна, как выяснилось, умела петь так громко, что вспугивала птиц в радиусе километра.

— Идеальная команда, — сказала Агата в последний вечер перед турниром. — Ни одного нормального игрока, зато сердца большие.

Накануне игры, когда Мира возвращалась с поля, её остановил у ворот тот самый холодный голос:

— Ветрова.

Ромуальд Гранит стоял, прислонившись к колонне, и наблюдал за ней серыми глазами. В руках у него был кожаный шлем звонкого, а на лице вежливая, ледяная улыбка.

— Слышал, ты в команде Внимающих. Поздравляю.

— Спасибо, — осторожно сказала Мира.

— Не за что. Просто хочу предупредить. — Он шагнул ближе и понизил голос: — Завтра мы будем играть против вас в первой игре. Я капитан Звонких, и мы не проигрываем. Особенно новичкам, которые чихают.

— Я не просила.

— Нет. Но ты всё равно мешаешь. — Он наклонил голову. — Знаешь, в чём проблема, Ветрова? Тебя слишком много. Ты вошла в школу, и все вокруг замерли, как будто ты принесла в зал огонь. А я здесь с одиннадцати лет, и никто не смотрит на меня так, как на тебя. Это неприятно.

— Это не моя вина.

— Нет. — Он усмехнулся. — Но будет моя, если я не поставлю тебя на место.

Он ушёл, быстро, не оглядываясь. Мира смотрела ему след и вдруг поймала себя на странной мысли: в его словах не было злобы, только усталость. Как у человека, который очень давно хочет, чтобы его заметили.

Утро турнира выдалось яркое и ветреное. Стадион, огромный овал из серебристого камня, был заполнен до отказа. На трибунах развевались знамёна четырёх домов: синие у Внимающих, золотые у Звонких, зелёные у Строящих, красные у Хранящих. Оркестр из живых флейт и самоиграющих барабанов гудел на всю округу. Бумажные птицы метали над трибунами конфетти, а из колб, подвешенных к столбам, лился сладкий пар, пахнувший яблоками.

Директор Тихомолк сидел в почётной ложе и аплодировал, опираясь на трость. Рядом с ним сидели мадам Польша, мадам Звон и профессор Немой, который выглядел непривычно напряжённым и всё время оглядывался по сторонам.

Первый свисток прозвучал, когда солнце стояло над самым центром поля. Звонкий мяч вспыхнул, ярко и пронзительно запел, и две команды рванулись друг к другу.

Мира стояла на своём месте, у голубой линии, и закрыла глаза. Первые секунды всё сливалось в сплошной шум: топот, крики, плеск золотого света от заклинаний звонких. Потом она

нашла мяч. Он пел высокую, очень чистую ноту, но с какой-то странной хрипотцой, как будто кто-то вплёл в неё чужую нить.

— Влево! — крикнула она. — Он идёт к Тимке!

Тимка, не раздумывая, свистнул, и золотая стена выросла перед несущимся мячом. Мяч отскочил, развернулся, и Ясна поймала его своим мощным, звонким «а-а-а!», от которого у ближайших зрителей заложило уши.

Так шла игра. Внимающие держались неожиданно уверенно: Мира слышала каждое движение мяча, Тимка и второй строитель блокировали атаки, Бруно в воротах был непробиваем, а Ясна пела так, что даже у Звонких иногда дрожали колени. Счёт был три-два в пользу Внимающих, когда в игру вступил Ромуальд.

Он взлетел над полем на лёгком звуковом вихре, сложил ладони и запел. Голос его был невероятно чистым, нечеловечески ровным, и мяч, дрогнув, повернулся к нему, будто притянутый магнитом. Мира открыла глаза и почувствовала, что внутри у неё что-то холодно щёлкнуло.

Слишком ровный голос.

— Стоп! — закричала она, но было поздно. Мяч вылетел из зоны Внимающих и, набирая скорость, рванул к голубым воротам. Бруно кинулся наперерез, но мяч, словно живой, обогнул его и ударил в кольцо. Счёт стал три-три.

— Это нечестно! — завопил кто-то с трибун Внимающих.

— Всё по правилам! — донеслось с золотой скамьи.

Мира смотрела на Ромуальда. Он стоял в воздухе, сияющий, бледный, с широко открытыми глазами. Потом его взгляд встретился с её взглядом, и она увидела в нём панику. Он сам не понимал, что только что произошло.

«Это не он, — подумала она. — Что-то поёт через него».

И в этот момент стадион наполнился шорохом. Не звуком, а его отсутствием. Волна глухоты прокатилась по трибунам от дальнего края, ряд за рядом. Люди открывали рты, смеялись, кричали, и ничего не было слышно. Только странная ватная тишина.

Мира поняла раньше всех.

— Безмолвие, — прошептала она. — Оно здесь.

Глава 11. Волна тишины

Тишина ползла по стадиону, как туман по реке. Она не ломала, не рушила, не била. Она просто отнимала. Сначала пропал рёв трибун, потом звон барабанов, потом шорох конфетти, который ещё секунду назад сыпался с неба разноцветным дождём. Люди кричали, и их рты открывались широко, но слышно не было ничего.

Мира стояла посреди поля и слышала всё. Не ушами, а тем внутренним слухом, о котором говорил профессор Немой. Она слышала не звуки, а их исчезновение, как слышат пустое место на полке, откуда убрали любимую книгу. И ещё она слышала откуда идёт волна.

— Тимка! — крикнула она, хотя не знала, услышит ли он. — Трибуны слева! Нижний ряд!

Тимка не услышал, но понял по её лицу. Он повернулся в ту сторону, куда она показывала, и застыл. В нижнем ряду, у самой ограды, сидели трое в серых плащах. Они не двигались. Они не хлопали, не кричали, не смотрели на игру. Они просто сидели, опустив капюшоны, и от них, как круги по воде, расходилась тишина.

Пустые.

Мира почувствовала холод в животе. Их было трое, а может, и больше, затаившихся в толпе, невидимых среди тысяч оживлённых лиц. Они не собирались нападать. Они собирались забрать то, что принадлежит школе, голос за голосом, пока никто не заметил.

— Бруно! — Она замахала руками. — Бруно, ворота!

Троль глянул на неё, потом на трибуны, потом без слов бросил свой пост и тяжело побежал к ограде. Тимка рванул за ним. Ясна, не понимая, что происходит, но доверяя друзьям, открыла рот и запела, но звука не получилось. Только беззвучное движение губ.

На другом конце поля Ромуальд стоял в воздухе с поднятыми руками, и по лицу его катились слёзы. Мира видела, что он пытается что-то кричать, но его голос уходил в пустоту. Тот самый чистый, идеальный голос, которым он так гордился, вытягивался из него, как нитка из клубка, и таял над трибунами.

Она поняла: тот, кто управляет Пустыми, использовал его. Подцепил на крючок его гордость, его желание быть лучшим, и пропустил через него тишину, как воду через трубу.

— Ромуальд! — закричала она. Звука не получилось, но она не остановилась. Она побежала к нему через поле. Каждый шаг отдавался внутри глухо, как удар в вату. Мяч, всё ещё парящий над землёй, дрогнул и замолк.

Мира добежала до того места, где в воздухе висел Ромуальд, и схватила его за подол мантии. Он посмотрел вниз. Серые глаза были огромные и перепуганные. Он беззвучно закричал: «Что со мной?»

Мира не знала, как ответить без звука. Она вспомнила бабушкины слова. «Когда страшно, чихни». Но чихать на заказ невозможно. Она попыталась представить пыльцу, ветер, лесные запахи, но ничего не получалось. Паника сжимала горло.

И тут из глубины памяти всплыл другой голос, хриплый, усталый, с запинками: профессор Немой.

«Тихий слух, Мира. Не поддаваться, когда зовёт. Но и не молчать».

Она закрыла глаза. И вместо того чтобы кричать, вместо того чтобы бороться с тишиной, она впустила её в себя. Позволила ей войти. И вдруг обнаружила, что внутри, в самой глубине, тишина не была пустой. В ней было тепло. Была бабушкина кухня с запахом мяты. Была ель на опушке. Была мамина песня, которую Мира слышала в раннем детстве и не помнила, а теперь вспомнила: «Спи, мой лесной, спи, мой ветреный...»

Она запела. Без звука, но всем телом. И тишина вокруг дрогнула.

Не от её голоса, у неё и голоса не было. От смысла. От того, что за словами.

Из её груди вырвался чих. Огромный, звонкий, цветной. Он ударил в центр стадиона, разлетелся кругами, и каждое кольцо несло в себе запах мяты, звон колокольчиков и смех бабушки Агафьи.

Тишина лопнула, как мыльный пузырь.

Звуки вернулись разом, с грохотом, как будто кто-то распахнул окна в доме, где несколько часов стояла духота. Трибуны взорвались криком: люди смеялись, плакали, хватались за уши. Барабаны загрохотали, флейты заиграли, конфетти посыпалось снова.

Ромуальд рухнул на траву, как мешок с картошкой, и закашлялся. Мира опустилась рядом. Он поднял на неё мокрое лицо.

— Мой голос, — прохрипел он. — Он ушёл. Я чувствовал, как он уходит. Это было... — Он не смог договорить.

— Вернулся, — сказала Мира. — Слышишь? Ты же говоришь.

— Ты чихнула. Ты чихнула на тишину.

— Бывает.

— Бывает?! — Ромуальд схватился за голову. — Ветрова, да ты... ты...

— Тише, — вдруг сказала Мира, потому что краем глаза увидела движение. Трое в серых плащах медленно поднимались с нижнего ряда. Они не бежали. Они просто встали, как марионетки, у которых вдруг оборвалась нить. Потом один за другим развернулись и пошли вверх по ступеням, в сторону выхода.

— Они уходят, — прошептал Ромуальд.

— Нет, — Мира поднялась на ноги. — Они отступают. Тимка! Бруно! За ними!

Но рядом уже стоял профессор Немой. Он быстро пересёк поле, и лицо его было бледным, как мел.

— Не надо, — сказал он. — Они будут ждать вас в коридорах. Это ловушка. Они хотели, чтобы вы побежали.

— Тогда они уйдут!

— Они всегда уходят. — Он положил руку на плечо Мира. — Но сегодня ты показала им то, чего они не ожидали. Они думали, что вы просто дети. Теперь знают, что нет.

Директор Тихомолк спускался с ложи, опираясь на трость, окружённый учителями. Мадам Звон кинулась к Ромуальду, обняла его и начала причитать что-то про «мой мальчик» и «чудесный голос». Мадам Полынь осматривала Тимку, у которого оказалась царапина на локте от удара об ограду. Бруно стоял посреди поля, тяжело дыша, и обнимал вырванную из земли штангу ворот, как младенца.

Директор подошёл к Мире и долго смотрел на неё. Потом тихо, так, что слышала только она, сказал:

— Ты знаешь, что только что сделала?

— Чихнула.

— Нет. Ты впустила тишину в себя и не сломалась. Многие маги учатся этому годами. — Он вздохнул. — Это очень опасно, Мира. И очень красиво. Но вторую часть оставим на потом.

Турнир на этом не закончился. Правила Эхобола были строгими, а директор, к удивлению всех, решил продолжить игру, чтобы не показывать врагу страха. Матч Внимающих и Звонких доиграли под ровное, напряжённое молчание трибун. Результат был странным: когда мяч снова запел, Ромуальд, бледный, с красными глазами, вышел на поле и вдруг, ни с того ни с сего, передал его Мире.

— Бей, — сказал он. — Ты заслужила.

— Ты же капитан Звонких.

— Был. — Он кривовато усмехнулся. — Сегодня я просто игрок, который долг отдаёт.

Мира взяла мяч в руки. Он был тёплый и лёгкий, и пел одну-единственную ноту, чистую и добрую. Она подбросила его вверх и закрыла глаза. Потом тихо, почти шёпотом, прошептала:

— Лети.

Мяч взвился в небо, описал серебристую дугу, пронёсся над головами замерших зрителей и мягко, почти нежно, опустился в золотое кольцо Звонких. Стадион ахнул, а потом взорвался.

Внимающие выиграли матч. Четыре-три. Первый раз за двадцать лет они вышли в финал.

Тимка подбежал к Мире, подхватил её на руки и закружил, крича на весь стадион. Ясна свистела, Тоня тихо плакала, Бруно колотил в штангу, как в барабан, а Агата, капитан, стояла в стороне и, улыбаясь, качала головой.

— Я же говорила, что чихание лучше, — сказала она.

Но, когда все стали расходиться, Мира заметила, что профессор Немой стоит в стороне, у выхода, и пристально смотрит на трибуны. Туда, где недавно сидели серые плащи. Он стоял неподвижно, сжав кулаки, и губы его тихо шевелились. Мира, умевшая теперь читать по губам, разобрала два слова:

«Они здесь».

И следом, совсем неслышно:

«Он здесь».

Мира почувствовала, как внутри что-то холодеет. Профессор Немой знал больше, чем говорил. И, возможно, знал того, кто стоял за Пустыми. Не как врага, а как человека.

Она решила, что узнает. Скоро. Очень скоро. В ту же ночь, когда, по плану Пуговки, они должны были идти по карте Лады вниз.

Глава 12. Лабиринт шёпотов

Пуговка согласился вести их только после долгих уговоров. Сначала он ворчал, что хранитель нижних этажей обязан охранять, а не водить экскурсии. Потом заявил, что у него радикулит. Потом, что завтра у него день рождения, хотя Бруно, у которого память на даты была лучше, чем у календаря, напомнил, что день рождения у Пуговки в мае.

— Ладно, — наконец сдался хранитель, потирая нос. — Но только до Лабиринта. Дальше вы пойдёте сами, потому что дальше я не хожу. У меня там неприятности.

— Какие? — спросил Тимка.

— Личные.

Они встретились в полночь у двери с надписью «Не открывать. Не стучать. Не спрашивать почему». Пятеро: Мира, Тимка, Ясна, Тоня и Бруно, который настоял, что без тролля нет смысла идти, потому что кто-то должен нести рюкзак. Рюкзак оказался внушительным: в нём лежали верёвка, фонари, бутерброды, соль из бабушкиного узелка, пара запасных носков и, по настоянию Тимки, удочка.

— Зачем удочка? — спросила Ясна.

— На всякий случай.

— На какой именно?

— На всякий, — упрямо повторил Тимка.

Пуговка, одетый в тёплую жилетку, увешанную ещё большим количеством пуговиц, чем обычно, поднял над головой фонарь и бесшумно открыл дверь. За ней оказалась знакомая винтовая лестница. Они спускались молча. Мира держала в руке карту Лады, которая в темноте слабо светилась изнутри, показывая ходы и повороты.

Когда они вышли в галерею пропавших, Мира заметила, что портретов стало больше. На стенах, где раньше висели картины, теперь пестрели новые рамы. Маленькая табличка гласила: «Лёвка Дымов». И чуть дальше, ещё одна, свежая, с блестящей медью: «Ромуальд Гранит».

— Нет, — выдохнула Ясна. — Это же не может быть...

— Не волнуйтесь, — быстро сказал Пуговка. — Он жив. Портреты показывают тех, кто побывал под ударом. Лёвка там, потому что у него отняли голос. Гранит, потому что у него пытались. Видите? Рамка у Гранита пустая, без фигуры. Его не забрали. Только отметили.

— Отметили для чего? — спросил Тимка.

— Для следующего раза, — тихо ответил хранитель.

Портрет Лады висел там же, на своём месте, полувырезанный. Мира остановилась перед ним. Девочка в плаще смотрела на неё с холста, и вдруг показалось, что нарисованные губы чуть дрогнули. Мира положила ладонь на раму и мысленно сказала: «Я иду».

Раздался тихий щелчок. Рама слегка отодвинулась от стены, открывая узкий проход.

— Секретная дверь, — прошептала Тоня. — Как в книгах.

— Нет, — сказал Пуговка мрачно. — Не как в книгах. В книгах потом всё хорошо кончается.

Они шагнули в проход. Он оказался длинным, тесным и очень холодным. Стены были влажные, покрытые мхом, и откуда-то издали доносилось капанье воды. Мира шла первой, ведя пальцем по карте. Чем дальше они заходили, тем отчётливее слышался шёпот. Не один голос, а много, сотни, как шелест сухих листьев в осеннем лесу. Они что-то говорили, перебивая друг друга, но слов было не разобрать.

— Лабиринт Шёпотов, — сказал Пуговка, останавливаясь. — Я здесь заканчиваю. Дальше я вам не помощник.

— Почему? — спросила Мира.

— Потому что... — Он нервно потёр руки. — Потому что я слышу там своих. Тех, кого я охранял и не уберёг. И если пойду дальше, не вернусь.

Он протянул Мира маленькую медную пуговицу на шнурке.

— Вот. Это мой ключ. Если станет совсем плохо, зажми её в кулаке и позови меня по имени. Я услышу даже из-под земли. Только не зови зря.

— Спасибо, Пуговка.

— Не за что. — Он вздохнул и сел на камень у входа. — Идите. Я подожду здесь. Всю ночь, если надо.

Лабиринт оказался не таким, как они ожидали. Вместо тесных ходов и тупиков перед ними открылся огромный зал, круглый, с высоким потолком, из которого свисали тысячи тонких серебряных нитей. Они переплетались, сходились и расходились, тянулись во все стороны, и каждая шептала что-то своё. Это были не нити, а голоса. Застывшие, натянутые, как паутина.

— Ох, — сказала Тоня, прижав зайца к груди. — Тут все, кто когда-либо терял голос в этой школе.

— Откуда ты знаешь?

— Он говорит. — Тоня кивнула на зайца. — Он слышит.

Плюшевый заяц с оторванным ухом, которого все считали просто игрушкой, и правда слегка шевелил носом и пытался что-то пролепетать на ухо хозяйке. Тоня слушала внимательно, и лицо её становилось всё серьёзнее.

— Он говорит, надо идти по самой тонкой нити. Остальные ведут в никуда. Это не нити, а приманки. Если дотронуться до неё, голос втянет тебя внутрь, и ты станешь частью шёпота.

Мира взглядела. Среди тысяч серебряных линий действительно была одна, едва заметная, тоньше паутинки, золотистого цвета. Она тянулась прямо вперёд, в глубину зала.

— Идём по золотой, — сказала Мира. — Никто не трогает остальные. Держимся за руки.

Они взялись за руки цепочкой: Мира, Тимка, Ясна, Тоня, Бруно. Бруно, как самый большой, шёл последним и прикрывал тыл. Золотая нить вела их сквозь серебряный лес, и чем дальше они шли, тем громче становился шёпот. Теперь можно было различить отдельные слова:

«Помоги...» «Верни...» «Я не хочу молчать...» «Почему никто не пришёл...»

Тимка шёл, стиснув зубы и закрыв глаза. Ясна дрожала. Тоня что-то тихо напевала, чтобы заглушить чужие голоса. Бруно угрюмо смотрел под ноги.

Мира слушала всё. Каждый шёпот отзывался в ней болью. Это были чужие жизни, чужие песни, чужие слова, которые никто не успел договорить. Она чувствовала, как слёзы текут по щекам, но не останавливалась.

— Они живы, — сказала она вдруг. — Голоса живы. Их можно вернуть.

— Как? — спросил Тимка.

— Не знаю. Но они не мёртвые, они... ждут.

В центре зала, где золотая нить обрывалась, стояла каменная колонна. На ней, на уровне груди, были вырезаны слова на старинном языке. Мира не знала его, но почему-то поняла каждое:

«Кто слышит, тот спасёт. Кто молчит, тот спасёт сильнее. Но кто лжёт, тот потеряет всё».

— Загадка, — пробормотала Ясна.

— Нет, — Мира коснулась букв. — Предупреждение.

Она вдруг заметила, что из нижней части колонны торчит что-то блестящее. Мира присела и вытащила маленький хрустальный флакон, не больше пальца. Внутри клубился серебристый туман, и когда она поднесла его к уху, оттуда донёсся тоненький, до боли знакомый голосок:

«Жил-был рыжий кот, и ходил он у ворот...»

Мира вскрикнула и чуть не выронила флакон.

— Лёвка! — выдохнула она. — Это его голос!

— Невозможно, — Ясна склонилась над флаконом. — Как он оказался здесь?

— Не знаю. Но вот. — Мира показала на этикетку, прикреплённую к горлышку тонкой нитью. Там мелким аккуратным почерком было написано: «Дымов Л. Октябрь. Образец номер девятнадцать».

— Образец, — повторил Тимка. — Образец. Значит, их собирают, как марки.

— Не марки, — глухо сказал Бруно. — Коллекцию.

Все повернулись к нему. Тролль стоял, нахмутив огромные брови, и смотрел куда-то вверх, на потолок зала. Там, среди серебряных нитей, тянулись ряды маленьких хрустальных флаконов, подвешенных на тончайших ниточках. Сотни, тысячи. Они мягко светились в темноте и тихо звенели, как бусины на ветру.

— Это не лабиринт, — тихо сказала Мира. — Это хранилище.

Она повернулась к колонне и вдруг увидела на ней ещё одну надпись, свежую, выцарапанную совсем недавно. Угол был острый, нервный:

«Они берут не просто голоса. Они берут то, из чего голос сделан. Спроси у того, кто молчит, зачем».

— Профессор Немой, — прошептала Тоня.

— Или кто-то хочет, чтобы мы так подумали, — медленно сказала Мира. Она положила флакончик с голосом Лёвки в карман, прижала к груди и подняла голову.

И в этот момент во тьме над ними раздался гладкий, ровный, безупречный голос, идущий словно отовсюду сразу:

— Какая прелесть. Вы пришли сами. Какая замечательная, какая своевременная глупость.

Глава 13. То, чего Безмолвие не слышит

Голос был везде. Он шёл от стен, от потолка, из серебряных нитей, из хрустальных флаконов, которые тихо позвякивали, как будто смеялись. Мира попыталась определить, откуда он звучит, но у него не было источника. Он просто был, ровный, спокойный и нечеловечески любезный.

— Не стоит бояться, — продолжал он. — Я не причиню вам вреда. Я только хочу поговорить. Видите ли, я давно не разговаривал с живыми.

Из темноты за колонной выступила фигура в сером плаще. Мира узнала его сразу: тот самый страж из библиотеки, с гладким лицом, лишённым морщин, и пустыми стеклянными глазами. Он шёл медленно, ступая беззвучно, и на груди у него поблёскивал серебряный полумесяц Совета Равновесия.

— Меня зовут Тихон, — сказал он. — Раньше я был хранителем закрытого отдела. Теперь я просто... удобный сосуд.

— Кто тебя послал? — спросила Мира. Голос у неё дрожал, но она заставила себя смотреть ему в лицо.

— Тот, кто знает цену тишине. — Тихон слегка наклонил голову. — Не пугайтесь. Ваши голоса мне не нужны. Меня интересует другое. Вы нашли часть Ключа.

Мира почувствовала, как лунный камешек в кармане плаща тихо запульсировал.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что он зовёт, — просто ответил Тихон. — Все ключи зовут друг друга. Отдай мне его, девочка, и я отпущу вас. Всех. Даже голос того мальчика.

— Нет, — сказала Мира.

— Подумай. Ты ведь хочешь вернуть Лёвку. Хочешь найти маму. Я могу дать тебе и то, и другое.

Слова были идеальные. Гладкие, золотистые, без единой запинки. Мира зажмурилась, как учил профессор. «Слушай не то, что говорят, а то, что за этим». За словами стояла пустота. Не злость, не ненависть, а холодное, равнодушное ничего. Существо, которое умело повторять слова, не понимая их смысла.

— Ты врёшь, — сказала она спокойно. — Ты не можешь отдать то, чего не понимаешь.

Стеклянные глаза Тихона мигнули. На миг в них что-то дрогнуло, как рябь на воде. Потом лицо вновь стало гладким.

— Жаль, — сказал он. — Я надеялся обойтись без неприятностей.

Он поднял руку. Серебряные нити над головами зашевелились, как змеи, и потянулись к детям. Мира отпрянула. Тимка выхватил из рюкзака удочку и, не раздумывая, взмахнул ею, как мечом. Удочка рассекла воздух, и две нити упали, не успев дотянуться до Ясны.

— Наконец-то пригодилась! — заорал Тимка. — Я же говорил!

— Не трогай нити! — крикнула Тоня. — Они затягивают!

Бруно шагнул вперёд и заслонил собой друзей. Нити хлестнули по его плечам, но тролль только крикнул и сжал кулаки. Кожа у него была толстая, как кора, и нити скользили по ней, не оставляя следа.

— Не бойся, Мирушка, — прогудел он. — Я продержусь.

— Ненадолго, — спокойно заметил Тихон. — Видите ли, нити питаются не силой, а звуком. Чем громче вы сопротивляетесь, тем больше им достаётся.

Мира лихорадочно думала. Нити питаются звуком. Тишина забирает голоса. Но что-то сказал отец Тимки в письме? Отец Тимки писал, что свистел все эти годы, чтобы заглушить ровный голос. А в дневнике Лады говорилось, что свист для Безмолвия как закрытая дверь: у него нет слов, которые можно украсть.

— Тимка! — закричала она. — Свисти! Три ступеньки! Громко!

— Что?! Сейчас?!

— Сейчас!

Тимка выкатил глаза, но подчинился. Он набрал воздуха и свистнул так, как свистел с пяти лет: вверх, вниз, протяжно вверх.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.